

Елена Кутузова

Вечная любовь

16+

Елена Кутузова
Вечная любовь

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Кутузова Е.

Вечная любовь / Е. Кутузова — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Отправляясь на раскопки я еще не знала, что найду свою судьбу: там, в песках, я встретила Белого Тигра. Мужчину, который уверен что я — его истинная пара. И чтобы подчинить меня, он стремится провести таинственный ритуал. К чему это приведет, не знает никто...

Елена Кутузова

Вечная любовь

Огромное спасибо Лене Чернышевой за терпеливые консультации по археологии и керамике! Особенно, когда мне приспичило ночью узнать, а что же это за зверь такой: сильно-профилированная миска!

Новость, заполонившая сеть, заставила забыть обо всем:

«Похищена самая знаменитая в мире мумия». «Алтайская принцесса сбежала из музея». «Шаманы предсказывают конец света».

На форуме подтвердили информацию. «Из достоверных источников», которых у археологов немало, стало известно, что мумия «алтайской принцессы» словно испарилась: датчики охранной сигнализации разом вышли из строя! А камеры показывали одно и то же: вот тело лежит на своем месте, и вот – его уже нет.

Но, в отличие от шаманов, экстрасенсов и всяких «потомственных ведунов», на форумах археологов все пришли к выводу, что ничего потустороннего в этом нет. Алтайцы давно требовали захоронить свою «принцессу», и вполне могли пойти и на такой шаг.

– Опять на трупы любишься? – сонный голос прервал размышление.

Коля стоял за спиной, недовольно уставившись на фотографию татуированной мумии, которую Ульяна развернула на весь экран.

– «Алтайская принцесса» пропала, – пояснила она и закрыла ноутбук. – Ты чего проснулся?

– Одному неуютно, – буркнул Коля и скрылся в спальне.

Ульяна расплылась в улыбке: хоть и злится, а все же любит! И, снова открыв ноутбук, нажала клавишу отключения. В знакомую мелодию завершения работы вплелся чуждый звук – словно вдалеке рычал большой хищник. Ульяна вздрогнула от непонятных предчувствий, но растолковала все по-своему:

– Надо тебя мастеру показать, а то сломаешься в самый неподходящий момент! – заявила ноуту и отправилась в спальню.

Телефон закрякал, оповещая о прилетевшем среди ночи сообщении. В кромешной темноте его экран засветился ярче софита. Николай заворчал и натянул покрывало на голову. Предвидя утренние разборки, Ульяна осторожно, чтобы не потревожить спящего, повернулась к тумбочке. И замерла. Подсвеченная телефоном, на ней стояла ваза. Широкая, на трех ножках, с крышкой, увенчанной вместо пимпочки каким-то сияющим камешком. Синеватые блики экрана отражались в облитых глазурью боках, и из глубины проступал странный, неразличимый в сумерках рисунок.

– Что за... Приснится же.

Телефон погас. Ульяна нашарила его в темноте и снова включила подсветку. Ваза исчезла. А на экране ярко мерцали буквы:

«Получил лист на раскопки в Степном Мамыково. Выезд 27. Дай знать».

Остаток ночи Ульяна скоротала в раздумьях, как сообщить Николаю, что следующие два месяца она проведет вдали от дома. Он снова не поймет, будет молчать, делая вид, что смиряется с прихотями жены... Хотя как раз законной супругой он её делать не спешил. Ульяна уже перестала ждать предложения, да и давно поняла: счастье не зависит от штампа в бордовой книжке и кольцо не удержит охладевшего мужчину.

Утром, готовя завтрак, Ульяна не решилась нарушить хрупкий семейный уют. Николай выглядел довольным, уминая яичницу с помидорами и колбасой. Крепкий кофе выпил, жмурясь от удовольствия и, поцеловав жену, выбежал из дома. Ульяна смотрела, как он выходит из подъезда, как садится в машину... Серебристая «Калина» давно уехала со двора, а девушка

все стояла, сжимая в руках черный прямоугольник телефона. Потом, словно очнувшись, решительно набрала ответную SMS:

«Буду обязательно!»

Этим сообщением она отрезала себе путь к отступлению. Леша уже внес её в список. Скорее всего – как только получил разрешение на раскопки. Без керамиста в тех краях делать было нечего, а их тандем сработался давным-давно, еще в институте. Но, несмотря на отличные отношения, вне работы Алексей и Ульяна никогда не пересекались – кроме археологии, у них не оказалось ничего общего.

Походная амуниция лежала на антресолях, за коробкой с елочными игрушками и мешком с «дачной» одеждой. Николай часто вывозил Ульяну на родительскую «фазенду» и явно любовался картиной «прополка помидоров».

– Вот такой и должна быть настоящая жена! – с гордостью сообщал миру, и Ульяна млела от счастья.

Однако все благодушие испарялось, стоило заговорить об археологии. Николай тут же обиженно надувал губы и жаловался, что какие-то черепки Уле важнее мужа. Нет чтобы вместе к морю съездить. Ульяна соглашалась, но Николаю ни разу не удалось взять отпуск до или после экспедиций.

– Ну что поделать? Я человек подневольный! Вон, даже заявления не помогают, – разводил он руками.

От этого становилось еще хуже. Всем своим видом муж намекал, что если над ним есть начальство, то Ульяну на аркане никто не тянет. Может и отказаться.

Но как раз это было выше её сил.

И теперь, проверяя амуницию, она казалась себе эгоисткой. Махровой, заботящейся только о собственном удобстве особью.

Закончив, Ульяна запахала рюкзак обратно. До выезда еще около недели, но купить кое-что из одежды лучше прямо сейчас.

Она успела. К приезду Николая в холодильнике охладилась окрошка, а из духовки доносились ароматы картошки по-французски.

Он вошел в дом – уверенный, крепкий, сильный. Разулся у порога, аккуратно поставил кроссовки на полку для обуви. Ульяна умилилась: этот великан выглядел так трогательно, стараясь не нарушить порядок в доме! А он принюхался:

– Чем это так вкусно пахнет? Умница моя! Хозяюшка! – Николай притянул Улю к себе. От него, как обычно, повеяло железом и машинным маслом. Стойкий запах. И такой родной!

Ульяна привычно взъерошила ему темные волосы и улыбнулась. Счастливая она все-таки! Нашла свою вторую половинку! Вон, у них даже глаза одного цвета! Карие, с золотистыми искорками в глубине. А рост? Она высокая, а рядом с Колей может даже каблук носить!

– Иди умывайся и за стол! Я тоже есть хочу!

Вместо ответа он просто протянул руку. Щелкнул замок заколки, и волна темно-русых волос рассыпалась по плечам.

– Ну Ко-о-о-оль! – больше всего на свете Ульяна не любила, когда трогали её волосы. Просто в ярость приходила, готова была ударить. Но Коле прощала все. Даже когда он в шутку наматывал длинные пряди на кулак.

Настроение от встречи портило одно: как сказать мужу о предстоящей поездке, она так и не придумала.

Догадался сам. Молча зашел в кухню и положил на стол чек. Уля виновато потупилась: спалилась! Надо же было не заметить злополучную бумажку!

– Опять?

Она кивнула.

Несколько прядей, выбившихся из прически, упали на глаза.

– Ну, смотри сама, – Николай развернулся и вышел.

Было слышно, как он моется в ванной, как одевается... и как хлопнула входная дверь. Замок щелкнул, словно ставя жирную точку.

Ульяна сидела, положив голову на руки. На столе стояли две тарелки с окрошкой, между ними – плетеная корзиночка с белым хлебом. Ложки аккуратно лежали справа, на бумажной салфетке: Коля любил, когда на столе было «красиво».

В открытое окно донеслись звуки отъезжающей машины. Словно не веря, Уля выглянула на улицу. Парковка, где стояла их «Калина», пустовала. Все-таки уехал...

Медленно девушка развернулась. И охнула: на столе, прямо над хлебной корзинкой, возвышалась ваза. Та самая, из ночного сна.

Только теперь она казалась настоящей, и можно было разглядеть все до мельчайших подробностей: и изогнутые «ножки», напоминающие кошачьи лапы, и похожую на муранское стекло опалово-зеленого цвета глазурь, и камешек в виде тигриной головы на крышке.

– Что же ты такое? – Ульяна, археолог, керамист, никак не могла определить вид предмета. Ваза? Или посуда? Судя по рисунку, проглядывающему сквозь глазурь, – все-таки первое. Но стоило протянуть руку, она вдруг задрожала, словно кто-то создал помехи на невидимом экране и... растворилась. Уля успела только заметить изображение мужчины на выпуклом боку.

– Бре-е-е-ед! – девушка упала на стул и потрогала место, на котором только что стояла ваза. – У меня что, крыша едет?

Ей никто не ответил. И ничего необычного тоже не происходило. Ульяна залезла в холодильник, достала припасенную «для медицинских целей» водку и хлебнула прямо из горлышка. Продышавшись, кинулась обратно к столу: окрошка неплохо потушила разгоревшийся во рту пожар и остановила хмельной хоровод в голове.

– Так... – Ульяна осеклась, поняв, что разговаривает сама с собой. И махнула рукой: – Ну что же теперь, вешаться? Поглядим, что дальше будет!

Убрав со стола, Ульяна решительно направилась собираться.

Духота в автобусе стояла дикая. Открытые форточки не спасали. К концу пути Ульяну разморило: ей досталась солнечная сторона, и бутылки воды на шесть часов поездки не хватило, приходилось пару раз выскакивать на остановках.

В довершение еще прилетело СМС:

– Ты сама выбрала. Вещи заберешь у мамы.

Сердце ухнуло, замирая от тоски. Хотя винить некого: повела себя, как махровая эгоистка. Ради своих хотелок бросила Колю одного... С другой стороны, кто просил его обманывать? Дважды она отменяла участие в раскопках из-за того, что отпуск Коли выпадал на это же время. И вместо обещанного моря проводила его на даче свекрови: на работе у Коли случилось ЧП, и его срочно вызывали, перенося отдых на осень или зиму. А на жалобы, что из-за сорвавшейся поездки она пропустит сезон, он отвечал одно:

– Хочешь на природу – так мать тебя на даче ждет! И пруд там есть, и лесок. И ковырайся в земле, сколько хочешь!

По мнению Ули, археологические раскопки несколько отличались от прополки грядок и окучивания картошки. Но Коля считал это гробокопательством. И его мама только подливала масла в огонь. Она даже к колдунье водила упрямую невестку, думая, что эта блажь – насланная порча.

Чистенькая, опрятная бабушка испугалась и принялась бормотать что-то о покойниках. И о том, что они только и мечтают, чтобы утащить за собой потревожившего их сон. Обставлено все было с таким мастерством, что Уля поверила. Да вот дома подслушала, как Коля по

телефону с мамой разговаривал. Та сокрушалась, что старуха много попросила за то, чтобы напугать дурную девчонку.

Они тогда сильно поругались. Уля никак не могла понять, почему Коля считает нормальным проводить все свободное время в гараже с друзьями, а любое её увлечение тут же объявлялось блажью. И даже идет на обман. Как с ведуньей. Или с отпуском.

О том, что ей врут, Уля тоже узнала совершенно случайно: Колин начальник не смог до него дозвониться. Трубку взяла Ульяна.

Это стало последней каплей. Тогда и решила, что в этом году примет приглашение Леша во что бы то ни стало. Но даже не предполагала, что это приведет к разводу. А уж к тому, что её выкинут из квартиры, которую она сама искала и уговаривала хозяйку сдать подешевле...

– Козел! – вырвалось невольно. – Хорошо, что не расписались!

В деревне Ульяна заглянула в магазинчик, купила холодной минералки и мороженое. А заодно уточнила направление.

– Археологи? Так это вон, через дамбу пройдешь и прямо, прямо... Дорожка и выведет. А лагерь у них на речке. Вот где она поворачивает, вот на том мыске...

Продавщица поясняла слова жестами, так что Ульяна окончательно запуталась.

– Спасибо! – поблагодарила и нырнула из кондиционированной прохлады в жару улицы.

На природе она всегда выходила в то место, к которому шла, не путая направлений. Вот в городе заплутать, это милое дело. Но городом здесь и не пахло.

Укатанная до каменного состояния дорога вывела к дамбе, а дальше...

Открывшаяся картина завораживала. То тут, то там в зарослях ивняка мелькала водная гладь. Она радостно превращалась в зеркало и отражала солнечные лучи, пуская ослепительных солнечных зайчиков. Темные очки от них почти не защищали. Рюкзак оттягивал плечи, со лба текли ручейки пота, футболка намочилась, но окружающее дарило покой. И Ульяна впитывала его, как истрескавшаяся пустыня – дождь. И даже переживания, что в ситуации с Колей она не права, что надо было подчиниться и сделать, как хотел он, отошли на второй план.

Тропа вывела к речке. Чуть в стороне Кондурча делала поворот, и вот на этом изгибе, на небольшом мыске и располагался лагерь. Он походил на цыганский бивак: палатки разных цветов и форм стояли, где хозяину приглянулось. На растяжках сушились плавки, купальники, полотенца, висели какие-то вещи... Что-то валялось прямо на земле. И над всей этой красотой возвышалась, подобно шатру Барона, огромная армейская палатка.

Скинув рюкзак у входа, Уля нырнула внутрь. На столах, оббитых клеенкой, кучками лежали черепки. Взгляд сразу выхватил характерный орнамент, оттенок глины и то, как сортировали находки. Руки сами потянулись к одной из коробок.

– Простите, а вы кто? – во взгляде девушки смешались удивление, недовольство и любопытство.

– Ой, – спохватилась Уля. – Здравствуйте! Меня Ульяной зовут, я керамист. А где Леша?

– Алексей Степанович на раскопе. Если вы подождете...

– В какой это стороне? – фрагменты керамики манили больше, но сначала следовало доложить и вступить в должность.

– Там, – махнула рукой девушка.

Уля кивнула. Рюкзак она оставила у палатки, прихватив с собой только воду.

Идти довелось через луг. В высокой траве виднелась тропинка – успели протоптать, добираясь до раскопа и обратно.

Тучка давно исчезла, и теперь солнце снова заливало землю пронзительным светом. Ульяна сняла очки, чтобы лучше различать цвета, но тут же водрузила их обратно на нос – глазам стало больно от яркости красок. Хотелось упасть в траву и лежать, слушая тишину. И заливающегося в вышине жаворонка.

Ульяна подняла голову, пытаясь углядеть пичугу. Но увидела только парящего хищника. Он плыл по широкой дуге, словно облетая маленькое облачко, похожее на крепко взбитую мыльную пену.

– Явилась?

Из ямы вылез мужчина. Далось это ему нелегко – мешал лишний вес.

– Так точно! – отрапортовала Ульяна, стараясь не засмеяться, – слишком уж забавно выглядел руководитель экспедиции.

Невысокий, коренастый. А дополнительные килограммы превращали его просто в кубик на ножках. Помешанный на работе, перед поездками он выбривал голову, так что вид получался тот еще. Подчиненные тут же давали ему «подпольную кличку». Почему-то почти всегда – «Гномик».

– Не схуднул еще? – Ульяна оглядела его красную футболку. Принт за слоем грязи уже не угадывался.

– Хорошего человека должно быть много! – отделался Леша традиционной шуткой и похлопал себя по животу. – Он мне дорог как память!

К середине сезона от этой «памяти» ничего не оставалось. Исчезала одышка, появлялись спрятанные прежде за жирком мышцы. «Гномик» пропал, превращаясь в стройного, красивого мужчину. Но невысокого. Ульяна постоянно смотрела на него сверху вниз.

Вот и теперь, заглянув в серые глаза, поняла: жизнь удалась! Впереди целый сезон! Безумно интересный, веселый и трудный.

Колышки с туго натянутыми веревками обозначали раскоп. Ровные ряды шурфов с горками вынудой земли по краям. Чумазые с ног до головы сосредоточенные люди. Несколько незнакомых, с остальными же давно сдружили общие экспедиции. Вздохнув, Ульяна поняла: уехать сейчас она просто не сможет. Даже если это последний шанс вернуть Колю.

– Уль? – Леша отвел её в сторону. – У тебя все в порядке?

– Да, – соврала, честно глядя в глаза. Но обмануть старого друга не удалось. Тот только хмыкнул недоверчиво, и стена, которую Ульяна выстраивала вокруг себя всю дорогу, рухнула с оглушающим звуком.

Алеша усадил её на травку, принес воды и терпеливо дожидался, пока иссякнут слезы.

– Благоверный? – поймала сочувствующий взгляд.

– Да, – всхлипнула в ответ. И выложила все, как на духу.

– Ну и слава богу! – последовала неожиданная реакция.

Алексей всегда старался с первого дня расставить все точки и запятые, чтобы не возвращаться к одной и той же теме по сто раз:

– Уль, ну сколько вы уже живете? Года четыре? За это время у вас хоть что-то общее появилось? Квартира там, машина... Дети.

– Машина есть! – парировала она.

– Общая? Или его? Послушай, если мужик за столько лет научился только лапшу на уши вешать... Я бы на твоём месте сейчас от радости прыгал!

– Ты не на моём месте! – вспылила Ульяна.

И, развернувшись на пятках, демонстративно отошла.

– Хочешь, не хочешь, – бормотал Леша, спрыгивая обратно в шурф, – да кто тебя бы спрашивал? Ну, твоё дело! – он отложил лопату и взялся за совок.

Уля перевела дух. Все! Неприятные разговоры закончились, больше вопросов не будет. А значит, нужно идти обустроиваться и включаться в работу.

Только по дороге в лагерь Уля вспомнила, что воду забыла возле шурфа. Пить хотелось невероятно. И солнце никак не желало прятаться. Висело в небе и поливало, поливало жаром! И это облако...

– Да будешь ты двигаться? – поинтересовалась в пустоту.

Ответа не получила. Облако висело на том же месте, только теперь рядом закладывала плавные круги уже пара огромных птиц.

Теперь черепки не прятали. Ульяна перебирала один фрагмент за другим, отмечая рисунок, цвет, форму...

– В основном банки?

– Да, – поняв, кто приехал, девушка оттаяла и охотно отвечала на вопросы. – Слабопрофилированные, с отогнутым кнаружи венчиком...

– Освоилась? – в палатку вошел Леша. – Ася, покажи-ка Уле, что мы на днях раскопали.

Судя по благоговейному выражению лица, с которым девушка ставила на стол коробку, внутри находилось сокровище.

– Смотри! – почти шептал Алексей.

Ульяна подалась вперед.

Из вороха соломы на свет появился склеенный из крупных фрагментов сосуд.

– Ну?

И Алексей, и Ася ждали вердикта.

– Что – «ну»? Я такого рукожопного орнамента сто лет не видела!

– Я тоже, – хмыкнул Алексей. – Не вспомнишь, где это было?

– Да в... Черт! – Ульяна подхватила и почти уткнулась в находку носом. – Думаешь?

– Уверен. Ну не может же орнамент повториться за полторы тысячи километров? Да еще один в один. Погоди, – он достал смартфон. – Вот! Специально фото запросил.

На грубой поверхности сосуда четко проступал рисунок, нанесенный острой палочкой. Бороздки получились разной глубины, сам орнамент отличался редкой кривизной линий, словно его делал ребенок. Да и следы от заглаживания травой были очень ярко выраженные. Обычная посуда, сделали, как могли, и разбить не жалко.

Но на столе сейчас стояла точная копия того, найденного несколько лет назад за полторы тысячи километров!

– Мне кажется, или даже глубина борозд совпадает?

– Не кажется, – подтвердил Алексей.

– Ритуальный? – Ульяна еще раз сравнила фотографию и находку.

– А пес его знает. Отправим в институт, там пусть разбираются наши теоретики. Ладно, поздно уже. Ася, прячь это сокровище и пойдёмте ужинать.

Но Уле было не до еды:

– Леша, а, может, совпадение?

– Ты сама-то в это веришь?

Ульяна пожалала плечами. На совпадение действительное не тянуло. Но и на ритуальный сосуд – тем более.

А потом потекли обычные будни. Темная земля охотно отдавала керамику, иногда перемежая её стеклянными бусинами и металлическими фрагментами украшений. Но все они относились к другому времени. Черепки же датировались двумя тысячами лет до нашей эры.

– Ну, может, полторы... – Ульяна рассматривала очередную находку – почти полностью сохранившееся дно сосуда-банки. – Осторожнее! Похоже, остальное тут же, рядом!

Движения археологических совков и кисточек стали аккуратнее. Ульяна и сама спрыгнула в шурф:

– Черт знает что! Вот с кем они тут мешались?

– Чего ругаешься? – послышался смешок.

– Погоди, я еще материться буду! – не поднимая головы, Ульяна буквально соскабливала землю слой за слоем. – Ты, вообще, это безобразие видела?

Женщина тут же спрыгнула в раскоп:

– Рассказывай! – и сняла крышку с объектива фотоаппарата.

– А у тебя разрешение на съемку есть, папарацци?

Этого корреспондента знали все археологи области. В детстве Ольга очень интересовалась историей, но поступила почему-то на журфак. Зато теперь вела колонки в нескольких местных изданиях и время от времени её заметки и фото печатали в столичных специализированных журналах.

– Ну Уль! – в голосе послышались просительные нотки.

– Правила знаешь? Вот принеси разрешение, тогда и поговорим!

– Закон суров, но это закон! – вздохнула Ольга и убрала фотоаппарат. – Ну, хоть так покажешь?

– Вон, смотри! – Ульяна кивнула на недавнюю находку. – Сфотографируешь – лучше тебе самой...

– Да знаю! Знаю! – портить отношения с археологами Ольга не хотела. Это позволяло первой узнавать об интересных находках и подготовить материал быстрее конкурентов. А вот с ними журналистка не церемонилась.

– Ух ты! Подожди... рисунок... Нетипично для этой местности! – годы, проведенные рядом с археологами, давали о себе знать. Ольга спокойно оперировала основными понятиями и неплохо разбиралась в предмете, о котором писала.

– Ты тоже заметила?

– Пф! – прозвучало презрительное. – Слушай, это же золотая жила!

– Вот и молчи, пока у нас её не оттяпали!

Вместо ответа Ольга снова вытащила фотоаппарат.

– Эй! – возмутилась Ульяна.

– Да успокойся! – Ольга навела объектив на облако. – Там такая прелесть летает! Смотри! Ульяна выбралась из раскопа.

– Так ты орлов снимаешь? Они тут постоянно кружат, как привязанные.

– Это не орлы, – Ольга увеличила фотографию. – Это беркуты! Между прочим, занесены в Красную книгу.

Ульяна заглянула ей через плечо.

Синее-синее небо, полупрозрачные штрихи перьевого облака, а рядом раскинули крылья две гордые птицы.

– Красиво! Пришлешь на почту? Поставлю как обои.

– Конечно. Слушай, есть у меня одна идея...

И, забыв про собеседницу, журналист побежала вдоль раскопа. Звонкий голос выкрикивал имя руководителя экспедиции, пока он не отозвался откуда-то издалека. Вскоре послышался восторженный вопль и Ольга умчалась.

Уля этого не видела: сидела в раскопе и выковыривала из земли очередную находку – какую-то проржавевшую бляшку.

Вторую половину дня провела в палатке. Керамики оказалось куда больше, чем надеялись, и рук на сортировку не хватало.

– Похоже, в раскопе меня теперь не увидят! – сообщила Асе, раскладывая перед собой фрагменты. – Взгляни, они явно от одного сосуда! Неси клей!

Ульяна всегда любила собирать пазлы. А если мозаика состоит из кусочков древней керамики...

Когда в палатку заглянул Леша, перед Улей стоял фрагмент дна; почти полный венчик, украшенный орнаментом. И – практически собранный сосуд.

– Руки у тебя... золотые! С твоим умением эти кусочки склеивать... Дай поцелую! – он потянулся руками, обнять.

– Не мешай! – Ульяна даже головы не повернула. Для неё воссоздание давно утерянного было сродни магии, волшебству, и весь мир мог катиться к чертям, если мешал возиться с любимыми черепками.

– Там Ольга квадрокоптер притащила, видео сняла. Будешь смотреть?

Увидеть раскоп с высоты показалось заманчивым.

– Да, сейчас! Только приберемся тут... Ася!

– Все собрались? – Ольга вставила в разъем флешку и нажала кнопку.

Тень квадрокоптера летела по зеленому лугу, иногда искажаясь пригорком или теряясь на фоне прудиков, оставшихся от разлива. Наконец, в кадре появился раскоп.

Земляной квадрат выделялся на фоне травы. На нем темнели прямоугольники шурфов, в которых копошились люди.

– О! Мишка у Петьки лопату спер! – послышались смешки.

– Леш, ты что там нашел? – хохотали все вместе, рассматривая колоритный зад, обтянутый шортами. Руководитель экспедиции что-то выглядывал на дне шурфа, ничуть не заботясь, как выглядит со стороны.

Ульяна веселилась вместе со всеми. Но мелькнувшая чуть раньше тень не давала покоя. Не мысль – скорее, какая-то догадка крутилась в голове, не позволяя понять, что же именно беспокоит. А когда видео закончилось, и Ольга перешла к фотографиям, волнение усилилось.

Тень. Она всегда находилась в одном месте. Чуть более плотная, или почти невесомая, но она была там. И на видео, и на фото.

Но кроме Ульяны этого никто не заметил.

Солнце еще только собиралось садиться, и до вечера оставалось много времени. Люди отдыхали, делились опытом, рассказывали истории «из жизни»... И, как всегда бывает, новички захотели знать, правда ли на раскопках случается всякая чертовщина.

– Ну, вот я слышала, – негромко спрашивала Ася, – что скелеты встают, призраки появляются...

– Как же, как же! – вскинулся Лёша. – Был случай, забыл сигареты на раскопе, ночью хватился покурить – а нечего. Где оставил хорошо запомнил, ну и пошел. Темнота – хоть глаз выколи. Добрался до раскопа, мы как раз могильник вскрыли. Ну, сигареты я нашел, а попутно споткнулся о лопату. Закинул её на плечо и двинул обратно. И вдруг...

Алексей понизил голос. Ульяна сдержала смешок, глядя на серьезные лица молодежи. Она была свидетелем этой истории, когда Лёша примчался в лагерь бледный как смерть. Руководитель экспедиции тогда его водкой отпаивал. А утром устроил такую выволочку, что... В общем, Алексей всегда рассказывал о случившемся новичкам. Но обычно – поздним вечером, когда костер отбрасывал багровые отблески на лица, а темнота за спинами наполнялась ночными звуками, незнакомыми городским жителям.

– Ну, так что случилось? – не выдержала Ася.

– Иду, в общем, курю себе, и вдруг кто-то меня по спине хлопает. Оборачиваюсь – никого. Что за хрень, думаю. Огляделся – и дальше пошел. Тишина – звенящая. Луна где-то за облаками белесым пятном, а тут еще дождик накрапывать стал... Красота, короче. Только я успокоился – снова по плечу хлопают. И опять – пусто!

Археологи притихли. Слышавшие эту историю по десятому кругу, напряженно следили за лицами новичков. А те сидели, раскрыв рот.

Ульяна отвернулась, чтобы они не заметили её улыбку. И огляделась, удивляясь так быстро наступившим сумеркам.

Вокруг затягивало тучами. На границе с чистым небом они закручивались в длинную трубу, которая изгибалась, напоминая натянутый лук. Её концы растягивались, словно пытались обнять кого-то невидимого.

Ульяна привычно поискала взглядом беркутов. Пусто. Облако тоже исчезло.

– Гроза идет!

Все засуетились, убирая под навесы и в палатки разбросанные по лагерю вещи. Уля добралась до Ольги:

– Запускай своего дрона!

– С ума сошла? Его же снесет!

– Хочешь сенсацию? – Ульяна схватила Ольгу за руку, разворачивая лицом к себе. – Запускай!

Увидев фанатично полыхающие глаза, журналистка без слов кинулась настраивать квадрокоптер. Через несколько минут машина мчалась к раскопу и вскоре, стрекоча, как гигантский кузнечик, поднялась в стремительно темнеющее небо.

А в припаркованном поодаль авто две пары глаз не отрывались от экрана ноутбука.

На земле смешались свет и тень. Озерца то сверкали серыми зрачками в небо, то темнели, становясь похожими на бездонные черные омуты. Порывы ветра пригибали траву, которая теперь напоминала волнуемое море. Квадрокоптер тоже вздрагивал от смены воздушных потоков, но упрямо летел к цели.

– Потрясающе! – присвистнула Ольга. – Я отсюда столько снимков нарежу! Да, а что ищем-то?

– Веди его чуть правее, – Уля проигнорировала вопрос. – Да, вон туда! Подними повыше!

Тучи стремительно закрывали небо. Трава темнела на глазах, но солнце не сдавалось. Оно стрелами лучей пробивало плотную завесу в попытке хоть немного еще осветить землю.

– Смотри! – Ольга оторвалась от экрана и вскинула фотоаппарат к небу. Облака спиралью закручивались вокруг одной точки. В темном «одеяле» еще виднелась ярко-синяя прореха.

– Оль, возвращай летуна. Может, успеем до дождя вернуться!

Гроза обрушилась, как только они заскочили в палатку. Здесь, среди коробок и ящиков с раскопанным добром, расположилась вся экспедиция.

– Показывай! – велела Ульяна, едва Ольга уселась за стол.

– Да погоди ты! Дай отдышаться! Да и света нет!

Лампочка мигала – энергии хватало только на холодильники да на небольшую плитку, на которой сейчас грелся чайник.

– У тебя ноут, а не комп. Включай!

Кадр за кадром, снимок за снимком. Иногда Ульяна просила вернуться или перейти к другому, солнечному видео.

– Все-таки заметила! – раздался за спиной недовольный голос Алексея. – А я так надеялся...

– Объясните! – Ольга отодвинула ноутбук. – Я тоже не слепая!

– И птиц помнишь? – хмыкнула Ульяна.

– Беркутов? Конечно...

– А что случилось? – остальные, слышав странную беседу, начали подтягиваться поближе.

– А вот смотрите! – Ольга развернула ноутбук так, чтобы всем было видно. Кадры замелькали, сменяя друг друга. Одно и то же место при меняющемся освещении выглядело совершенно по-разному. Но небольшой холмик, поросший ивняком, постоянно выделялся на общем фоне. Если солнце заливало округу, то над ним висело облако, пряча кусты в тени. А когда тучи затянули небо, световое пятно ярко освещало серебристо-зеленые листья.

– Невероятно!

– Беркуты. – На экране появились птицы. А рядом – облако.

– А ведь точно, они всегда в одном месте кружат! А что это значит?

– Это значит, что вы об этом забудете и завтра, если погода позволит, мы продолжим раскопки! – отрезал Алексей.

– И тебе не любопытно, что там есть? – искренне удивилась Ульяна.

– Не интересно! Особенно после той ночи, что мне карлик устроил!

– Что за карлик? Что за ночь? – слышалось со всех сторон.

«Старички» молчали. Алексей понял, что так просто от него не отвяжутся, и нехотя заговорил:

– Лет пять назад мы курган раскапывали. Ну а мне уехать на пару дней пришлось. Пока отсутствовал, эти... – последовал кивок в сторону «старой гвардии», – добрались до могильника, вскрыли его. Нет, все как следует. Только вот кто-то очень умный решил подшутить и спрятал кое-что у меня под кроватью. Напомню, я был дома! И вот в темноте под потолком появляется... летающая голова карлика! Я уж думал – здравствуй, белочка! Только вот трезв был, как стеклышко. А голова зависла в углу и что-то там бормочет. Зло так! Три ночи за мной гонялась. А потом я на раскоп вернулся и нашел «подарочек». Оказалось, череп на самом деле принадлежит карлику! Скелет чуть позже выкопали. И вот как только кости воссоединились, он от меня отстал.

В палатке воцарилась тишина.

– Уль, ты знаешь – не стоит копать «по приметам».

– Шлиман тоже «по приметам» копал, – Ульяна не отвела взгляда. – Леша, ну пожалуйста! Ну давай попробуем! Время еще есть, да и лист я твой видела! Входит в него этот приговор!

Алексей затравленно огляделся. Все ждали его слова. Запретил бы, да Улю он знал как облупленную. Не отстанет. Проще согласиться. С кучей условий. Например...

– Три дня! Мы работаем на том холме три дня, начиная с завтрашнего утра. Неважно, дождь, град, извержение вулкана: у тебя только три дня. Если ничего не находим...

– Возвращаемся на основной раскоп! – радостно согласилась Уля.

– Да. Еще. Кто не хочет работать на холме – я не заставляю. Это чистой воды факультатив! Изменение в планах обсуждали до глубокой ночи.

– Алексей Степанович...

Он оглянулся. Вокруг робко толпились новички.

– Что?

– А вы... А что это было тогда? Ну, когда вы на раскоп за сигаретами пошли?

Алексей усмехнулся.

– Земля. Я лопату на плече нес. На неё земля налипла и отваливалась. Потом футболку отстирывал.

– А... карлик? – воспряли духом слушатели. – Вы же придумали?

– Нет. Карлик был на самом деле. И мой вам совет: забудьте об этой затее. Пусть Ульяна сама ковыряется.

Алексей очень надеялся, что из-за дождя земля размякнет и Ульяна отложит эту бредовую идею. Но он закончился, хотя отблески грозы еще полыхали у самого горизонта. А потом ветер разметал тучи, и в прорехи несмело выглянули звезды. Когда небо очистилось, над лагерьем сиял Млечный Путь.

Ульяна встала до рассвета и подняла остальных. Геодезисты начали работу затемно, и вскоре натянутые на кольшки веревки отмечали место нового раскопа. Ульяна первая вонзила лопату в почву, перерезая корни слежавшегося дерна. Вода впиталась без остатка, сделав раскопки комфортнее.

Несмотря, а, может, вопреки предупреждению, помощников набралось достаточно. Замирая от ужаса и восторга, люди вгрызались вглубь земли в надежде обнаружить что-то по настоящему чудесное.

– Ты мне все сроки срываешь! – злился Алексей, видя, как замерла жизнь на основном раскопе.

– Три дня. Потерпи только три дня! – успокаивала его перемазанная с ног до головы Ульяна. Она забыла про отдых и еду, вытаскивать из ямы её приходилось чуть ли не насильно.

– Ну вот почему они за тобой пошли? – Алексей не выдержал и тоже взялся за лопату. – Я же им даже про карлика рассказал!

– По той же причине, что и ты – любопытство! Неизвестное всегда манит.

– Ну да, – рассмеялся Алексей. – Надежда найти Трою не чета глиняным черепкам!

Словно отзываясь на смех, его лопата зазвенела, наткнувшись на что-то твердое.

Работы тут же остановили, и Алексей сменил лопату на совок.

Дождь, смочив верхний слой почвы, не сумел проникнуть глубже. Слежавшаяся до каменной плотности земля крошилась и не желала раскрывать свои секреты. Но Алексей оказался упрямее. Через полчаса археологи смотрели на плоский камень, не в силах произнести ни слова.

– Да бре-е-ед! – подтвердила увиденное Ульяна. – Плиточники? Здесь?

Алексей оглядел собравшихся:

– Ну что, вскрываем?

Поднимали аккуратно, готовые в любой момент опустить камень обратно. А когда сдвинули в сторону, охнули все.

В неглубокой, чуть выше колена яме, лежала мумия. Стенки, укрепленные плоскими камнями, уберегли могилу от осыпания, так что дополнительных работ не требовалось. Но столетия не пощадили предметы: кожа и ткань сгнили, облепляя мертвое тело бурыми ошметками. Еда в глиняных мисках окаменела, а напитки высохли, покрыв внутреннюю поверхность посуды налетом.

Нетронутым остался лишь металл.

– Ущипни меня! – велел Леонид.

Ульяна выполнила просьбу.

– Сильнее! – не унимался археолог. – Что ты там про Трою говорила? Это же богаче клада Приама! Это... сенсация! Нужно немедленно...

Ульяна проводила бегущего к палатке руководителя экспедиции и уселась на край раскопа. Леша прав – это сенсация.

Мумию почти полностью покрывали золотые украшения. На лице – маска очень тонкой работы. Она точно передавала черты усопшего.

У ног погребенного выстроились кувшины. Справа виднелся изогнутый буквой «М» лук. Колчан, из которого выглядывали стрелы, лежал ту же. На некоторых даже угадывалось оперение!

Слева, на небольшом плоском камне, стоял лошадиный череп. На нем висела украшенная накладками из желтого металла уздечка. Кожа сгнила, но золотые цепочки не позволили ей рассыпаться.

– Интересно, почему коня целиком не похоронили, а только голову?

– Уль, смотри! – любопытная Ася осматривала со всех сторон отодвинутый камень-крышку. – Здесь орнамент!

И она взмахнула кистью, очищая его от земли.

Вытянувшаяся в прыжке кошка. Судя по характерным полоскам – тигр.

– Да ладно! – Ульяна еще раз осмотрела выбитый в камне рисунок. – Мировое сообщество меня или убьет, или вознесет на пьедестал!

– Думаешь, мистификация? – вскинулся Алексей.

– И кому это надо? Ни у меня, ни у тебя денег не хватит, чтобы такое устроить. Может, в группе есть подпольный миллионер? А?

– Версия не принимается. Еще идеи?

– Никаких! – Ульяна уже не знала, радоваться ей или злиться на себя за настойчивость. – Но мне жутко интересно, что вон в том ящике!

В изголовье мумии стоял большой ларец на ножках. Его крышка имела вид ступенчатой пирамиды и хранила следы разноцветной эмали.

– Да, такой для забавы в могилу не положат! Оля, ты фотографируешь?

– Ага! – журналистка поменяла карту памяти. – Надо будет снимки на жесткий диск скинуть!

– Иди, время у тебя еще есть.

До вечера группа всем составом измеряла, зарисовывала, описывала. И только после этого Алексей разрешил вынимать находки. Осторожно, по одной, тщательно проверяя, нет ли чего под ними.

С особой осмотрительностью доставали ларец.

– Тише! Не торопитесь! Важно не повредить содержимое!

Открывать хотели с утра, но после позднего ужина нетерпение достигло критической точки.

– Черт с вами! – не выдержал Алексей. – Идем!

Ларец установили на застывшую стол белую ткань.

– Подожди! – попросила Ульяна. – Дай полюбоваться!

– Сам в восторге! – Алексей не отрывал взгляда от затейливого цветочного узора.

Среди зеленых и синих трав прятались белые тигры. Они то лежали, подстерегая добычу, то настигали её в прыжке. Там тигрица играла с тигрятами, там уже учила охотиться...

– Потрясающе!

– Ну, так открываем?

Ульяна отступила, оставив эту честь руководителю экспедиции. Ольга за его спиной приготовилась фотографировать.

Алексей еще раз осмотрел находку. Ни дужек для замка, ни скважины... Но крышка отказывалась покидать свое место.

– Может, что-то с петлями?

Ларец еще раз осмотрели со всех сторон, но явных повреждений не нашли.

– Понятно. В походных условиях не справимся. Оставляем специалистам.

Еще раз обсудив находку и порадовавшись невероятной удаче, все разошлись по палаткам. Часть мужчин осталась на раскопе – охранять от излишне любопытных и не в меру жадных людей.

Ульяне не спалось. В палатке, несмотря на распахнутый вход, стояла духота. Не выдержав, девушка выбралась наружу.

Лагерь спал.

Луна проглядывала прямо сквозь перистые облака, придавая нереальность окружающему. Где-то за палатками почудилось движение. словно большая кошка скользила в призрачном свете. Уля моргнула. Видение растворилось в тени ближайшей палатки. Почему-то вспомнился рассказ Леши про карлика. Она никогда не сомневалась, что история выдуманная, чтобы поугагать новичков, проверить «на вшивость». Но от мелькнувшей тени было не по себе.

Ежась от прохладного ветерка, дошла до кухни. Вода еще не остыла. Чай заварить не получится, а вот кофе растворится... Добавив в кружку побольше сгущенки, Уля облокотилась на стол и задумалась.

Последние недели казались каким-то бредом. Ссора с Колей, приезд на раскопки, беркуты, облака, могильник... словно кто-то написал сценарий и теперь вел её, не давая ни шагу ступить в сторону. Но если это так...

Ульяна решительно вошла в палатку. Натянув перчатки, достала ларец.

– Ну, сим-сим, откройся!

Крышка не поддалась. Ульяна облегченно вздохнула и облокотилась на сложенные на столе руки:

– Значит все-таки паранойя. Но какой же ты... красивый!

Стенки покрывала вязь золотой проволоки. Просветы между ними заполняла цветная эмаль. Века под землей ничуть не сказались ни на блеске, ни на яркости цвета.

Травы переплетались с бамбуком. Голубая река водопадом стекала с высокой крышки и растворялась в зарослях. Тигры отдыхали, охотились, играли... Белые звери с голубыми глазами. Они таинственно мерцали в свете походной лампы.

– Любуешься? – в палатку вошел Алексей.

– Угумс, – Ульяна даже не повернула головы, зачарованная рисунком.

– Я вот тоже... Поверить не могу в свое везение! Точнее, в твое. Это же ты настояла.

– Леш, – Ульяна пропустила мимо ушей этот крик души. – А глаза-то у них... граненые!

– Да ладно! Нет, серьезно?

Он схватил лупу. Увеличенные камни, заменявшие глаза тиграм, действительно сверкали ровными гранями.

– Еще одна... сенсация. Их же... полировали в то время. Уль, нам ведь никто не поверит!

– Не пове-е-ерит, – пропела она, проводя рукой по травинке. – Ни за что не пове-е-ерит...

Палец скользнул выше, и сердцевина алого цветка поддалась под легким нажимом. Послышался щелчок и крышка приподнялась.

Алексей и Ульяна переглянулись. Осторожно, не дыша, Уля открыла ларец.

Послышались легкие щелчки и стенки разложились, как лепестки раскрывающегося цветка.

Алексей охнул. Ульяна отступила, зажимая рот ладонью. В свет яркой лампы мерцала глянцевою поверхностью призрачная ваза.

Сквозь зеленоватую глазурь просвечивал рисунок: мужчина в длинных одеждах. Он сидел под деревом, а у его ног расположился белый тигр.

– Этого не может быть! – Алексей схватился за голову. Такие технологии... Ущипните меня кто-нибудь!

Привлеченные шумом, к палатке стали подтягиваться разбуженные обитатели лагеря. И вскоре к чаше началось настоящее паломничество. При этом Алексей ревниво следил, чтобы никто не прикоснулся к сокровищу. Он требовал, чтобы любопытные даже дыхание задерживали:

– Не дай бог, повредите! Оля, душа моя, скинь мне все фото! Надо доложить в институт и в Москву. Это сенсация!

А Ульяна сидела в уголке и пыталась собрать осколки сознания. Ей казалось, она сходит с ума... Занятые вазой, окружающие не заметили её состояния. Когда стало совсем невыносимо, Уля ушла к себе и долго лежала, обняв спальник. Слез не было. Зато вместо страха явился ужас.

Она никогда не верила в мистику. Рассказы-страшилки воспринимала, как развлечение. Считала, что всему есть разумное объяснение. Но сейчас не могла придумать ничего рационального.

Эта ваза... Она никогда таких даже не видела! То, что могло сойти за галлюцинацию, обрело реальность. Вот она, в палатке, только руку протяни... И крышка такая же: полусфера с выточенной из белого камня головой тигра. А внутри...

Ульяна вздрогнула. Что хранит в себе так тщательно оберегаемая чаша, она не знала. Это надо выяснить поскорее, иначе можно сойти с ума!

В палатке как раз собирались открывать находку.

– Улька, где тебя черти носят? – ругнулся Алексей. – Ну как без тебя-то?

– Леш, – Ульяне стало страшно. – А, может... не надо? Давай закопаем все обратно...

– Ну, мать, ты даешь! – во взгляде Алексея читалось удивление вперемежку с раздражением. И предвкушение.

О, это выражение Ульяна хорошо знала. Сколько раз в зеркале видела! И отступила:

– Тогда давай сам!

Заставить себя прикоснуться к находке она не могла.

Крышка подчинилась осторожному нажиму. Присутствующие замерли, Ольга навестила фотоаппарат... Но фотографировать было нечего: сосуд оказался пустым.

– Ну, нам и без того грех жаловаться! – попытался прогнать разочарование Алексей. – Такая находка!

Его прервал телефонный звонок. Взглянув на номер, руководитель экспедиции поднял руку:

– Тишина! Это из института!

И нажал кнопку громкой связи.

Из длинной тирады ясно было одно: ничего не трогать, ждать приезда начальства. И то, что находкой заинтересовались в Институте археологии РАН. От Алексея требовалось только одно: сохранить все в целости.

– Эй, есть тут кто?

В палатку зашёл мужчина в форме полицейского. Ульяна взглянула на Алексея. Тот остался спокойным.

– Да вроде все здесь! Господа! – повернулся он к сотрудникам. – Позвольте представить, кто незнаком: местный участковый. Что-то случилось?

– Это у вас надо спрашивать! – полицейский был не в восторге от своей ночной прогулки. – Звонят среди ночи, велят взять под охрану какой-то объект... В общем, что вы тут натворили?

Пока Алексей разбирался с полицейским, Ульяна решила еще раз взглянуть на вазу.

Взгляд старика казался живым. Стоило чуть сменить угол обзора, и картинка словно оживала.

– Потрясающе! Я такого еще не видела! – выдохнул кто-то за спиной.

– Не ты одна, – Ульяна достала лупу и вгляделась в глазурь. – Знаешь, мама как-то показала мне старый советский календарик. Его покрывал толстый слой рифленого пластика, так что при наклоне изображение двигалось. Очень интересная технология. Может, здесь что-то подобное?

Но глазурь оставалась зеркально-гладкой даже под многократным увеличением.

– Как стекло! Ни малейшего изъяна! И кракелюра нет... Такое, вообще, возможно?

Впервые в жизни Ульяна пожалела, что выбрала своим направлением неглазурованную керамику. Немало зная о древней посуде, сейчас она оказалась совершенно беспомощной.

Любопытство требовало немедленно во всем разобраться. Здравый смысл – бежать как можно дальше. К нему примешивался страх. И Ульяна решила послушаться интуиции.

– Так, я спать! Сил уже нет!

Алексей, собирающийся проводить полицейского с помощником на раскоп, взглянул непонимающе:

– Что с тобой?

– Вымоталась, Леш. Да и смысл тут при лампе смотреть. Завтра разберусь.

– Ну, как знаешь!

Но утро перечеркнуло все планы.

Уже на рассвете в лагере было не протолкнуться от машин. Самарское начальство причалось, невзирая на раннее время. Уже одно это указывало на важность находки. А чуть позже явились представители Института археологии.

Они толпились в палатке, рассматривали раскоп, разворачивали свои инструменты, готовясь извлекать наружу сокровища, найденные Улей. Ей было все равно – ночью поспать почти не удалось, мысли толпились в голове, гоня сон, и теперь она чувствовала себя опустошенной. Как лимон, из которого выжали весь сок, а кожуру выбросили за ненадобностью. Поэтому спокойно сидела «на кухне» и пила кофе со стуженкой и печеньем.

– Ульяна... – подлетела запыхавшаяся Ася. – Вас там... зовут!

Залпом допив остывший кофе, Уля равнодушно направилась к армейской палатке. Профессора посторонились, пропуская её к столу, на котором стояла ваза. Рядом, на раскладной табуретке кто-то сидел. Мужчина или женщина, со спины определить было невозможно. Худощавая фигура, длинные, почти белые волосы, перехваченные у шеи резинкой. Но судя по взглядам академиков – знатная шишка.

Услышав тихие шаги, некто отложил лупу. Ульяна заметила тонкие пальцы и тщательно ухоженные ногти. Их обладатель медленно, словно боясь увидеть что-то страшное, обернулся.

Движение лучше, чем лицо, показало: это мужчина.

Молодой, на вид лет тридцать-тридцать пять. Тонкий и легкий, но при этом невероятно гибкий и... опасный. В небесно-голубом взгляде скрывалось что-то хищное. Он напоминал кошку: вот она лежит, жмурясь на солнышко, но (Предлагаю заменить на «а») в следующий момент уже оглашает окрестности диким воплем, и когти полосуют врага.

– Рад познакомиться, – русская речь звучала с легким акцентом. Ульяна прислушалась, стараясь понять, что именно режет слух. Чуть заметная «ы» между согласными, как будто мужчине трудно произнести их подряд.

– Ульяна, – пожала она протянутую руку.

И убедилась, что хилый вид гостя обманчив. Ей уже приходилось встречаться с такими людьми. Худенькие, бледнокожие, словно вечно голодные. Они вызывали жалость и их всегда недооценивали. Зачастую – во вред себе. За тощими телами скрывалась недюжинная сила, и постоять такие люди за себя могли по полной программе. Или защитить...

Только почему-то именно от этого мужчины защиты не хотелось. Напротив, появилось желание бежать как можно дальше, спрятаться, забыть это знакомство как страшный сон... Но она заставила себя улыбаться, пока Алексей представлял ей нового знакомого:

– Шон Тагар, ведущий специалист по глазурованной керамике.

– Я был в Москве, и мне показали фотографию этой жертвенной чаши. Разумеется, я не мог не приехать! – добавил Шон.

– Так вы знаете, что это такое? – опасения тут же уступили место любопытству.

– Конечно! В древнекитайских свитках упоминается о чаше, которая используется в поминальных ритуалах. Её описание совпадает вот с этим, – он кивнул на находку.

– А много таких найдено?

Шон помолчал, словно раздумывая, открывать ли всю правду. Но все же ответил:

– Ваша – первая! Это большая, очень большая удача! В летописях говорилось, что всего таких чаш девять, и они являются величайшей ценностью человечества!

– Наверное, их поэтому и спрятали. Да так, что найти не могут.

Шон улыбнулся:

– Вполне возможно. И все-таки это счастье для меня – увидеть сосуд своими глазами.

Его воодушевление могло горы сдвинуть. Но Ульяна смотрела на светлые волосы и удивлялась: неужели он их красит? У корней виднелась темная полоса.

– Я могу увидеть захоронение?

– Разумеется! – засуетился Алексей. – Прошу!

Но Шон не обращал на него внимание. Он не сводил взгляда с Ульяны:

– Мне сказали, находка сделана благодаря вам. Вы настояли копать именно в этом месте.

Почему?

– Так, – Уля пожала плечами. – Интуиция.

– Вы чудесны! – улыбнулся гость, и было непонятно, намеренно ли он употребил это слово или просто ошибся. – Вы идете?

– Нет.

На раскоп не хотелось. Суэта сбивала с мысли, прогоняла то невероятное ощущение сопричастности к древним тайнам... Да и возможность разглядеть вазу при дневном свете упускать не стоило.

Глазурь напоминала зеленоватое стекло. Нежно-прозрачное, в то же время бездонное, словно океан. И из глубин продолжал следить за ней насмешливый взгляд.

– Кто же ты такой? – Ульяна не могла отделаться от мысли, что этот мужчина на рисунке ей знаком. Словно во сне видела. Или в грезах...

– Ася, смотри, ты ничего странного не видишь? – подозвала помощницу.

– Нет. А что?

– Судя по одежде, он китаец, ну или кто в тех местах тогда обитал, азиат, короче. Но глаза – синие. И усы...

– Может, просто седые?

– Может, – согласилась Ульяна. – Только он типичный европеоид. А китайцы вроде как монголоиды... Черт-те что!

Попытка разобраться не развеяла морок. Мужчина все так же казался смутно знакомым.

– Где же я могла тебя видеть?

– Ну, таких типажей много, – беспечно заметила Ася. – Может, на кого-то знакомого похож!

– Это вряд ли, – ухватившись за идею, Ульяна перебирала всех, кого могла вспомнить. Бесплезно. Зато мысли, уставшие метаться, как хомьяки в колесе, вырвались на волю.

– Ася, как думаешь... это может быть... Да нет. Бред.

– Кто? – заинтересовалась девушка.

– Ну, по мнению некоторых столпов археологии и антропологии, много лет назад на территории современной Монголии, Китая и Казахстана обитала загадочная раса светловолосых и голубоглазых людей. Под эту теорию столько бреда придумано!

– Вы об ариях?

– Нет. Хотя их часто путают.

– Ну... – Ася пожала плечами. – Нас там не было, мы только гадать можем. А почему бы у этого... Шона Тагара не спросить? Если он такие чаши уже видел...

– Не видел! Читал о них. Но совет дельный, спасибо! – согласилась Ульяна. И продолжила перерисовывать вазу, которую приехавшие уже переименовали в чашу.

– Что вы тут делаете? – в палатку заглянул кто-то из московских. – Давайте-ка отсюда. Чашу велено упаковать и опечатать.

– Да пожалуйста! – послушно отошли от стола девушки.

Ульяна вышла на улицу. Ей очень захотелось домой.

Со стороны она наблюдала, как находки упаковывают в деревянные ящики, опечатывают и составляют в сторонке, под натянутым пологом.

Подъехал автобус. Из него высыпались одетые в камуфляж крепкие парни. После короткого разговора с московским руководителем они взяли под охрану полог, ящики и еще несколько точек. Часть военных отправилась на раскоп. Местные, привлеченные суетой, уже

начали наведываться к археологам, и приходилось следить в оба: черепки тащили прямо из-под рук.

Московских археологов не интересовали старые шурфы и черепки банок. Ульяна вытащила на улицу картонную коробку с фрагментами, клей и устроилась поработать. Суета вокруг утомляла. Но уехать с раскопок она не могла.

– Кто нашел могилу? – слышалось от большой палатки.

Ульяна нехотя отложила кисточку и убрала обратно в коробку выставленный было на просушку собранный сосуд. Она не ошиблась: работать ей не дали.

У приехавшего накопилась куча вопросов, от опыта работы Ульяны до сомнений в правдивости её слов.

– Так вы говорите, интуиция? Извините, но чтобы убедить руководителя экспедиции одной интуиции мало!

– Почему?

Ульяна вздрогнула. Спокойный, бархатистый голос казался осязаемым. Он обволакивал, ласкал, как хорошо выделанный мех, но в то же время где-то в глубине этого баритона скрывались раскаты грома.

– Шон? – улыбнулся её собеседник. – Ну, ты же не веришь в сказки?

– А разве все это, – Шон обвел рукой лагерь, особо отметив навес с находками, – не чудо? Разве каждый раз, когда ты размечаешь место под раскоп – ты не ждешь чего-то... волшебного? Эта женщина... Ульяна... – имя далось ему с трудом, – поверила в магию и прошла по радужному мосту между скал реальности. Результат – та могила. И жертвенный сосуд, о котором мы знаем только из архивов.

– Ты прав! – рассмеялся академик. – Кстати, чашу уже упаковали. Что там с могилой?

Ульяна потянулась было за своими черепками, надеясь продолжить работу, но вопрос заставил её насторожиться. А ответ так и вовсе забыть, что хотела сделать.

– Жертвоприношение. Я такое уже видел. Там под телом панцирь черепахи с вопросом и ответ богов... Бедняжку отправили умастить духов. Но... странно. Обычно сохраняются только скелеты. Здесь же – мумия...

Ульяна наконец поняла, что её напрягало в речи Шона. Он совершенно правильно строил фразы, словно говорил по-русски с самого рождения. Все эти обороты, намеки, нюансы... Но акцент при этом оставался довольно заметным. Эта низкая, грубая «ы» и мелодика голоса, словно мужчине был ближе фонетический тип языка.

– Простите, а вы откуда? – решила она нарушить разговор. И сама испугалась своей смелости.

– Я человек мира! – рассмеялся Шон. – Но в данный момент у меня гражданство Монголии, если вы спрашиваете про это.

Уля вежливо улыбнулась. Не про это! Она спрашивала про национальность, а собеседник так ловко ушел от ответа, что навевало подозрения. Но настаивать не стала. Просто отошла в сторонку и набрала имя в поисковике, ругая себя, что не догадалась раньше.

Интернет выдал кучу фотографий. С раскопок, с выставок, с конференций и награждений. И даже из спортзала, где Шон Тагар колотил грушу руками и ногами и позировал с двумя мечами.

– Подлецу – все к лицу, – не сдержалась Ульяна.

Мужчина действительно смотрелся органично в любом наряде: кожаной куртке, джинсах, кимоно или строгом костюме. Он выглядел превосходно даже на случайных снимках, и Ульяна могла только позавидовать такой фотогеничности. Сама она на фотографиях выходила ужасно.

Закрыв неприятные вкладки, Ульяна перешла к тексту.

– Академик, профессор, бла-бла-бла... Так, ведущий специалист по китайской керамике и фарфору эпохи... Не многовато-то эпох захапал? Как в них всех разбираться-то можно? Угумс, лауреат, член-корреспондент... Владеет английским, французским, русским, испанским, уйгурским, монгольским, японским, китайским, из них наречиями... Да итить твою ж налево! – Ульяна нашла взглядом Шона и тут же уткнулась обратно в экран телефона. – Это что, все он? Интересно, на все это обычной человеческой жизни хватит?

Но поисковик не дал главного – национальности. Ульяна еще раз оглядела внушительный список достижений нового знакомого и выключила телефон.

За ужином Шон оказался рядом. Работал ложкой, выгребая из глубокой миски кашу с мясом, и расточал комплименты поварам. Про Ульяну тоже не забывал:

– Очень редко сейчас встретишь людей с такой потрясающей интуицией!

Ульяна только улыбалась. Рядом с Шоном было неуютно, но при этом он чем-то притягивал, не хотелось его отпускать.

– А почему вы не со своими?

Он посмотрел в сторону московского десанта. Часть археологов присоединились к группе Алексея, но старшие из приехавших предпочли поставить лагерь чуть в стороне и совместит приятное с полезным: с той стороны доносился плеск воды, и ветер принес аромат шашлыка.

– «Со своими»? – удивленно поднял бровь Шон. – Простите, но здесь мне интереснее. Я лучше вас послушаю. Кстати, ничего необычного не замечали в последние дни?

Дни? Недели! Но рассказывать этому странному человеку о том, как её преследовало видение макитры, Ульяна не собиралась. И перевела тему:

– Вы хорошо знаете русский.

– Спасибо, – улыбнулся Шон. – Я жил несколько лет в России.

– И... как вам здесь?

– Я много где жил, – показалось, что он хочет уйти от ответа. – Европа, Азия, Африка... И знаете, что скажу? Везде хорошо, если ты в мире с самим собой и рядом есть те, кому ты нужен. И те, кто нужен тебе.

Ульяна несколько минут сидела ошарашенная: вечером у костра подобных признаний не ожидаешь. А Шон уже сменил тему, болтая о том, что такие посиделки у костра – то, что примиряет его с походной жизнью:

– Я избалован городом. Интернет, канализация, доставка готовой еды... Но в такие моменты, когда ночь укутывает тебя таинственным покрывалом, а огонь прогоняет засевших во мраке демонов, понимаешь: это и есть настоящая жизнь.

Его откровения прервал подошедший Алексей. Он протянул Шону бутылку с вином. Тот передал её Ульяне:

– Сначала дама. Кружка...

Уля улыбнулась и не стала нарушать старую традицию – отпила прямо из горлышка. И вернула бутылку Леше. Но Шон перехватил и надолго прикип к ней губами.

– Неплохое вино, – его глаза заблестели, как кусочки матерого чистого льда под лучами зимнего солнца. Вот только Ульяне показалось, что Шон говорит о чем-то другом.

Сомнения заглушил Леша. Уселся рядом с приезжим, перехватил бутылку, вернув её «на круг», и задал вопрос, со вчерашнего дня занимающий всю команду:

– А для каких ритуалов использовали эту чашу?

– Для человеческих жертвоприношений.

Археологи – народ циничный. Тем, кто вскрывает давно затерянные могилы, нет дела до проклятий. И, вместо того, чтобы ужаснуться, окружающие стали подтягиваться поближе, предвкушая занятную историю.

Оглядев всех, Шон улыбнулся:

– Я не имею сведений, насколько вы знакомы с древней китайской культурой. Судя по всему, у присутствующих здесь другая специализация. Поэтому вы не против, если буду рассказывать, как своим студентам?

Он и так говорит, как преподаватель! Вот уж действительно «сосуд всех талантов». Идеальный мужчина. Ульяна тихо фыркнула, стараясь, чтобы Шон не заметил. А тот продолжал:

– В Китае, впрочем, как сейчас, были распространены гадания на лопаточной кости или панцире черепахи. Записывали вопрос и кидали в огонь. А потом по трещинам пытались разобрать откровения. И чем важнее был вопрос, тем важнее было получить на него хороший ответ. И помощь богов заодно. И, чтобы умаслить небожителей, вместе с вопросом отсылали в огонь и жертву. Как правило, пленника или раба. Иногда одного, иногда – сотню-другую.

– И как часто находят такие гекатомбы?

Шон пожал плечами:

– Редко. Но у гадалей была привычка записывать на кости не только вопрос, но также ответ и количество жертвенных объектов.

– Милая особенность.

– А приврать не могли?

– Сомневаюсь. С ритуалами все было очень строго.

– А чаша? – прервала занимательную беседу Ульяна. – Как она использовалась?

– Видите ли, иногда вопросы были настолько важны, что к богам с ними отправлялась одна из императорских дочерей, а потом возвращалась с ответом. Разумеется, в виде духа. И с этих пор принцесса становилась Невестой Бога, а также Хранительницей Государства. А для надежности её душу заключали вот в эту самую чашу. Если честно, об этом ритуале мало кто знает даже из историков. Я сам наткнулся на него потому, что заинтересовался чашами, которые считались просто выдумкой.

– И каким веком датируются легенды?

– Эпоха Трех Властителей и Пяти Императоров. Третье тысячелетие до нашей эры. По преданию, Девять Чаш были получены из рук самого Бога Солнца, который их и создал. И передал потомкам.

– Не сходится, – Алексей хлопнул себя по коленям. – Ну никак не сходится! Во-первых, как эта чаша, которую, как я понимаю, причисляли чуть ли не к китайским священным сокровищам...

– Не китайским! – тихо поправил Шон. – Эти Чаши – святыни Белого народа, Богов, которые предпочли землю небесам. Они и использовали первую из Чаш для ритуала. Сестра их правителя...

– Пусть так, – отмахнулся Алексей. – Хоть сестру, хоть дочь, хоть жену... Ладно, караваны ходили, могли и привезти. Но ты говоришь, что в жертву приносили девушек, а захоронение, в котором нашли чашу – мужское!

Он резко перешел на «ты», словно забыв, что перед ним – светило, перед которым чуть не преклонялось начальство. Сейчас напротив снятого с должности руководителя экспедиции сидел такой же археолог. А значит, они были равны.

Ульяна заметила пробежавшую по лицу Шона тень и ткнула друга кулаком в бок, призывая к порядку – оскорблять того, кто мог одним словом разрушить карьеру, не стоило. Но Леша только отмахнулся.

Шон снова отпил из бутылки и тихо спросил:

– Вы уверены?

– Конечно! Одежда мужская, оружие... Да и кости... – тут он замолчал. – А чего мы спорим? Пошли, посмотрим!

– Упаковали уже! – сообщил кто-то. – Не дадут.

– Точно, – растерял весь пыль Алексей. – Черт!

– Это была женщина, – сама не понимая, почему, произнесла Ульяна. – Да, мужеподобная, но – женщина!

– Да с чего...

– Грудь! – отрезала Уля. – Леш, я думала, ты заметил.

Воцарилось молчание. А потом тишину разорвали такие проклятья, что хотелось заткнуть уши:

– Похоже, старею. Но, значит, эта была... принцесса?

– Возможно, – Уля поняла, что устала. Поднялась, прогнулась в пояснице так, что хрустнули кости. – Но мы об этом если и узнаем, то нескоро!

– Ну, почему же, – Шон не сводил с неё глаз. И от этого становилось неуютно. – Думаю, уж вам-то, как первооткрывателям, сообщат. Да и в исследованиях должны разрешить поучаствовать. Я порошу, чтобы...

– Спасибо!

– Не надо!

Они с Алексеем воскликнули одновременно. Смешавшись, Уля быстро попрощалась и нырнула в свою палатку. И, хотя день оказался насыщенным, заснуть не получалось. Выбрав момент, она выскользнула наружу и направилась к реке.

Млечный путь сиял над полем бесконечной рекой. Созвездия мерцали алмазной россыпью. Ульяна привычно нашла Кассиопею.

– Они прекрасны!

Шон подошел незаметно, заставив вздрогнуть.

– О, прости! Кажется, я тебя напугал!

– Нет. Просто... неожиданно. Я думала, что одна здесь.

– Тогда еще раз прости за бестактность, – он стоял так близко, что темнота не смогла скрыть улыбку. Но уходить не собирался. Поднял лицо к небу и снова улыбнулся.

– Сколько смотрю на них, и все не могу привыкнуть. Разве что-то может сравниться с их притяжением? Разве что, – Шон повернулся к Уле, – археология. Когда в твоих руках бесценный артефакт, сердце забывает биться. Ну а надежда найти что-то необычное просто лишает покоя. Скажи, у тебя так же?

Он очень точно описал «мандраж» – так называл это состояние Леша. И именно это состояние каждый раз заставляло Ульяну идти против Коли, бросать его одного в пустой квартире и ехать к черту на кулички, «копаться в грязи». Ну, или заниматься гробокопательством, как говорила мама Николая. Она постоянно пророчила всяческие несчастья как расплату за вскрытые могилы и требовала забыть о раскопках.

Настроение неожиданно испортилось. Почему-то вспоминать о семье не хотелось. Хотелось стоять вот так, глядя в небо, и ощущать себя песчинкой на ладони Вселенной. И Шон этому совершенно не мешал.

Долетевший с реки ветерок заставил поежиться. Ульяна вспомнила о толстовке, которую оставила на спинке стула. Но возвращаться не хотелось, и она просто обхватила себя руками, стараясь хоть немного согреться. На плечи тут же опустилась куртка.

От неё пахло кожей и хорошим мужским парфюмом. Тонкий запах не вызывал отторжения, напротив, захотелось укутаться в эту куртку по сильнее, утонуть в её объятиях, как в коконе, забыв о реальности. Пришлось сделать усилие, чтобы снять и протянуть владельцу:

– Спасибо. Но... не надо.

– Это ничего не значит, – послышалось в ответ. – Просто куртка. Ты же замерзла. Надеюсь, не побежишь подавать в суд за сексуальное домогательство?

– А что, были прецеденты?

– Ну... – хмыкнул Шон и отвернулся.

Стоять с протянутой в пустоту курткой показалось глупым, как и строить из себя оскорбленную невинность. И Ульяна надела её обратно. В конце концов, это просто жест вежливости.

Тишина наполнилась звуками ночи. Пели сверчки, где-то вдалеке ухнула ночная птица. Под ногами, в траве, один за другим зажигались крохотные огоньки – светлячки готовились к брачному танцу. Их зеленоватое мерцание словно наполнило воздух магией, а свет звезд превращал реальность – в нереальное. Казалось, достаточно прислушаться, и откуда-то издалека, из далекого прошлого долетит конский топот, хриплые выкрики и лязг оружия.

Ульяна боялась дышать, чтобы не спугнуть это ощущение. Эти мгновения стоили бессонной ночи. А еще...

Было что-то общее у этой ночи и той чаши... Но что?

– Глазурь? – спросила тихо сама себя. – Нет. Что-то другое...

– Прости, ты о чем? – поинтересовался Шон.

Его голос разрушил магию ночи. И мысль, крутившаяся на поверхности, ускользнула, как улейка, которую пытаешься схватить рукой. Ульяна едва сдержала раздражение, но сумела ответить вежливо:

– О только что случившемся открытии. И о чаше. Кажется, я посвятила жизнь не тому разделу керамики. Она же фарфоровая?

– Да. Но вот что странно... – задумчиво протяну Шон. – Его научились делать только в шестом веке. Как фарфоровая чаша могла попасть в могилу десятого века до нашей эры?

– Если не старше, – согласилась Ульяна. – Знать бы еще, кто на ней изображен. Твои летописи ничего об этом не говорят?

Она перешла на «ты» легко и свободно, как и Шон несколькими минутами раньше. Но ответа на свой вопрос не дождалась.

Ветер становился все прохладнее. Уют и чувство невесомости пропали, и Ульяна снова сняла куртку:

– Спасибо. Но я иду спать.

– Я провожу, – куртка опять оказалась у неё на плечах.

И почему-то захотелось плакать.

В лагере уже почти все спали. Только у ящиков с находками стояли на страже молодые люди в камуфляже, да возился в большой палатке Леша. Его бритая голова виднелась в одном из окошек. Ульяна не стала тревожить руководителя, а сразу повернула к своему месту. И снова поймала себя на мысли, что возвращать куртку совсем не хочется. Но, как и в поле, она сумела справиться с этим желанием.

– Спасибо. И спокойной ночи.

Шон слегка поклонился в ответ. Его улыбка казалась такой милой! Ульяна не могла не ответить. А потом, на грани сна и яви видела, что вокруг палатки всю ночь бродит большой белый тигр, и его глаза сияют в свете луны, как две ярко-синие звезды, а рык, то и дело вырывающийся из могучей груди, чем-то напоминал мурлыканье котенка. Только немного громкое. Ульяне снилось, что она вышла из палатки и протянула руку, чтобы потрепать хищника по голове.

И проснулась от громких криков: на раскопе что-то случилось.

Лагерь не просто шумел – он бурлил. Пирамида из бережно прикрытых тентом ящиков оказалась развороченной. Охранники сидели прямо на земле, оглядывая проходящих мутными взглядами. Вокруг суетились врачи.

– Что... случилось?

Леша постарел лет на десять.

– Вазу твою украли. Парней вырубили какой-то наркотой и... А главное – никто ничего не слышал и не видел! Это в центре хорошо охраняемого лагеря! А... – махнул он рукой в отчаянии.

Шон стоял у своей палатки и растерянно смотрел по сторонам. На врачей. На археологов. На полицию. И на машины, которых с каждой минутой становилось все больше. Вскоре на небольшой излучине было не протолкнуться.

Ульяну несколько раз допрашивали. Где была ночью, что видела, что слышала... Интересовались её вечерней вылазкой. Но дежурные показали, что после возвращения и она, и Шон сразу пошли спать, каждый в свою палатку. И не выходили оттуда. Хотя сам момент преступления вообще никто не видел: у людей словно память отключили.

Следователи ругались, не стесняясь в выражениях. И пытались свести все к банальной пьянке, тем более местные рыбаки подтвердили, что вчера в лагере археологов было очень шумно.

Ульяне стало противно: никто не желал знать правду. Вчерашнюю суету, наплыв гостей – все списали на развлечения. Никому даже в голову не пришло, что шум – часть рабочего процесса. Ну, так получилось просто! Слишком много людей собралось в одном месте!

И чтобы не слышать бредовых предположений, она побрела вверх по течению Кондурчи, стараясь сбежать подальше от этого безумия.

Но побыть одной не получилось. На берегу, глядя на вольготно текущую воду, стоял Шон.

Уходить, не поздоровавшись было невежливым. И все же она отступила: казалось, мужчина глубоко погружен в свои мысли, а отвлекать не хотелось.

– Тебе тоже невыносима эта суета? – остановил её спокойный вопрос.

Ульяна повернулась:

– Да, все словно с ума посходили.

– Не удивительно. Это не просто находка века – возможно, эта новая страница в истории. И потерять чашу... Уля, а ты, кажется, совсем не обеспокоена. Тебе все равно?

Она задумалась. Потеря чаши должна стать для неё трагедией, крушением мира... Но в реальности Ульяна ощущала облегчение вперемежку с раздражением. Как будто закончила очень важное, но неприятное дело, которое еще аукнется в будущем. Как именно, было понятно уже сейчас: следователи за эти пару часов чуть с ума не свели и ведь не отстанут!

Шон терпеливо ждал ответа.

– Наверное... лучше бы она не терялась. Теперь проблем не оберешься. Проверками замучают. Ладно, надо возвращаться.

В лагере их ждало неприятное известие: экспедиция закончена. Следовало погрузить черепки из первого раскопа и убраться по домам. Найденную Улей могилу московские археологи оставили за собой:

– Вы, конечно, можете остаться, никто не запрещает. Но также должны понимать, что будете только мешать сработавшему коллективу. Да, разумеется, все материалы для доклада и научных работ предоставят по первому же запросу.

Путаться под ногами и чувствовать себя чужой на празднике жизни Ульяна не пожелала, хотя Шон и обещал замолвить за неё словечко.

– Я устала. И хочу домой. Все нужные документы пришлют... Так что оставаться смысла никакого. Приятно было познакомиться!

Раскоп встретил Ульяну жарой, а провожал – дождем. Она прислонилась головой к окну и наблюдала, как капли обгоняют друг друга, наискось расчерчивая стекло. Хотелось думать, что это Степное Мамыково прощается с теми, кому открыло так много тайн. Тайн, которые люди не смогли сохранить.

Резко затормозивший автобус заставил пассажиров качнуться и схватиться за сиденья. По салону покати́лась упавшая пластиковая бутылка с лимонадом. Водитель нажал на кнопку, и в раздвинувшуюся дверь взлетел по ступенькам Шон. Оглядел салон и кинулся напрямиком к Уле:

– Догнал! Хорошо!

Он дышал тяжело, словно бегом преодолел все расстояние от лагеря. По куртке расплылись влажные пятна, а мокрые волосы липли к щекам – в этот раз он не забрал их в хвост.

– Мне позвонили... В Монголии, в закрытой части, нашли гробницу. Ты едешь?

В автобусе повисла густая тишина. Ульяна переводила взгляд с одного соседа на другого, возвращалась к Шону и не понимала, о чем это он.

А тот в нетерпении притопывал ногой:

– Так ты едешь?

– Куда? – пискнула, забиваясь в самый угол сиденья, подальше от напора.

– Да в Гоби же! Гробницу нашли.

– А... зачем? – Уля чувствовала себя тупой дурой. Но ничего поделать не могла. Какие раскопки? Какая гробница? И при чем здесь она?

– Подвисься! – сиденье рядом тут же освободилось. – Уля, слушай внимательно. В Гоби нашли гробницу. Очень древнюю, предположительно, третье тысячелетие до нашей эры. Таких еще никогда не находили, считалось, что Легендарные царства – из области сказок. Ну, понимаешь?

Уля кивнула. До неё начинало доходить. Но и вопросы появились:

– А при чем тут я?

Шон шумно выдохнул сквозь зубы. Видно было, что он едва сдерживается:

– Ваза какого периода?

Уля зажала рот ладонью, чтобы не вскрикнуть. Теперь становилось понятным волнение и нетерпение Шона. Но вопросы не исчезли:

– И все-таки я не понимаю, почему ты приглашаешь именно меня!

– Если не ошибаюсь, Монгольская часть Гоби закрыта для раскопок. Да что там, туда и просто туристов практически не пускают! – встрял Алексей. Ульяна только кивала.

– Разрешение уже получено. Меня зовут на должность руководителя с правом самому подбирать состав экспедиции.

– Но почему меня-то? Я в Китайских и Монгольских культурах ни бум-бум. И в фарфоре тоже. У меня другая специализация!

– Ну, во-первых, мы сами не знаем, что найдем. Если Чаша оказалась в этом месте, почему бы в гробнице эпохи легендарной династии не быть срубной керамике? Ну и потом: именно ты заметила знаки, именно ты настояла на раскопках в этом месте. Для такого нужна удача!

– Одной удачи мало, необходимы еще и знания, – Уля просто не представляла, что можно сказать. Мысли метались, не давая вникнуть в смысл.

– Ульяна, мы едем в Гоби. А на востоке удача – качество врожденное. Так что группа только рада будет такой спутнице.

– Но... загранпаспорт, вещи... – Уля растерялась от слишком сильного напора.

– Все будет! Так да или нет?

В наступившей тишине слышалось, как вдалеке лают собаки. А потом Леша припечатал:

– Такой шанс! Улька, не поедешь – всю жизнь жалеть придется! Не будь дурой, соглашайся!

Остальные одобрительно загудели.

Ульяна оглядела салон. Кто-то искренне радовался, кто-то прятал глаза, кто-то растерялся: тоже не ожидали подобного и не знали, как реагировать. Но все без исключения настаивали: соглашайся.

И она решилась.

– Леша, будь другом, заberi мои вещи у Коли, хорошо? И... пока!

Автобус тронулся, обдав облаком выхлопа. Шон стянул куртку и накинул Уле на голову:

– Беги в машину, я тут сам управлюсь, – и ловко забросил её баулы в багажник.

– Куда теперь? – спросила, еще не понимая, что все происходит наяву.

– Сначала в Самару. Пара часов, чтобы привести себя в порядок – и в Москву.

Дорога, гостиничный номер, где она только и успела, что принять душ и переодеться, ресторан на первом этаже... Все смешалось в каком-то фееричном калейдоскопе. В себя пришла в самолете. Сидела в удобном кресле бизнес-класса, а улыбчивая бортпроводница проводила предполетную инструкцию.

Спокойный, уверенный голос проходил мимо сознания. Ульяна не могла понять, как согласилась на эту авантюру. Но отступить было поздно: самолет начал движение.

Прилет и дорога до гостиницы пролетели словно в угаре. Ульяна плохо помнила, как такси лавировало по ночной Москве, и феерия огней прошла мимо. В гостинице её волновал только душ и кровать. Она даже от ужина отказалась, и поэтому утром проснулась не столько оттого, что выспалась, сколько от голода.

Нужно было спуститься в ресторан и позавтракать. Но, оглядев обстановку и выглянув в окно, Уля сникла: денег на карточке могло не хватить и на чашку кофе. Отель располагался в историческом центре и, судя по всему, цены здесь немаленькие. Хотя можно просто выйти и добраться до ближайшей кофейни!

Воспряв духом, Уля кинулась одеваться. Стук в дверь раздался, когда она полезла в рюкзак за бельем.

– Вот черт, – выругалась, накидывая халат. И только крепко завязав пояс, отправилась открывать.

На пороге стоял улыбающийся Шон:

– Надеюсь, ты хорошо отдохнула. Уже позавтракала?

– Вот, собираюсь, – мысль, что под халатом ничего нет, смущала. Почему-то казалось, что Шон знает и улыбается именно поэтому. – Не подскажешь, поблизости есть кафе?

– Зачем? – он удивился так искренне! – Можно попросить завтрак в номер.

– Ну... – Уле было стыдно признаться, что дело в деньгах. Этот чертов миллионер мог и не понять!

Но он понял:

– О! Не беспокойся! Все это, – широкий жест рукой, обводящий апартаменты, – включено в смету. Ты – ценный сотрудник, так что не стесняйся.

– Но и не наглей, – пробормотала Ульяна, стараясь сесть так, чтобы полы халата не разошлись.

В синих глаза появились искры. Лицо осветила улыбка:

– А давай позавтракаем в другом месте? И возьми с собой паспорт, нужно заехать кое-куда.

– Мне... надо переодеться, – пролепетала Ульяна. Язык не слушался, губы словно онемели.

– Надень что-то удобное. Джинсы, кроссовки...

Уля хмыкнула – в рюкзаке ничего другого и не было. Она же не в гости собиралась, и не в отпуск. А на раскопе вечерние платья без надобности.

Москва встретила шумом и скоростью. И черным внедорожником. Шон распахнул двери и протянул руку, помогая взобраться. Прикосновение горячей ладони обожгло, сердце застучало громко-громко и переместилось куда-то в район горла. Ульяна с трудом сглотнула и, пристегивая ремень безопасности, старалась дышать глубоко и ровно. Почему этот мужчина так на неё действует? Ведь даже с Колей...

Телефон крякнул – пришло сообщение. Шон рассмеялся:

– Интересный сигнал.

Уля рассеянно кивнула: все мысли занимала СМС-ска.

Коля не стеснялся в выражениях. Величал и безалаберной дурой, и похлеще... Обвинял, что ради «мертвяков» порушила семью, призывал одуматься, ведь кому она такая нужна? А тут еще и куда-то в Монголию поперлась. Украдут, изнасилуют, съедят! Дальше шли такие эпитеты, что уши запылали.

Читать про себя такое было неприятно, и Ульяна выключила телефон.

– Что-то случилось? – Шон, казалось, интересовался на полном серьезе.

– Кажется, Леша мои вещи забрал у бывшего.

– Если судить по буре эмоций, которая отразилась на твоём лице, бывший впечатлился.

– Очень!

Смех прогнал напряжение, и всю дорогу до ресторана Ульяна смотрела в окно.

Москву она любила и очень жалела, что не может выбираться почаще. Две недели в этом вечно спешащем муравейнике заряжали энергией на несколько месяцев, но домой Уля всегда возвращалась с облегчением. Мерный, равномерный ритм родного Тольятти подходил ей для жизни куда больше.

Шон выбрал для завтрака маленький семейный ресторанчик. Уля перевела дух: она ненавидела пафос. А вот спокойный интерьер в бежево-коричневых тонах, аромат кофе, ванили и дерева подходил как нельзя лучше.

Едва они заняли столик за плетеной перегородкой, официантка принесла меню. Ульяна открыла пластиковую папку и тут же закрыла: глаза разбежались.

– Ты любишь омлет?

– Тогда уж яичницу с помидорами и колбасой.

– Это и закажем, – Шон послал официантке улыбку. Почему-то Улю это покорило, хотя не происходило ничего предосудительного. – А еще кофе... мне латте с вишневым сиропом, а даме...

– Глясе. И тирамису!

– И тирамису, – кивнул Шон.

– Две яичницы с овощами и беконом, глясе, латте, тирамису...

– И два цезаря с курицей! – вдруг добавил Шон.

– Мне не надо! – отказалась Уля.

– Это мне. Очень есть хочется.

Заказ принесли на удивление быстро. И Уля поймала себя на том, что просто сидит и любит, как ест Шон: быстро, но не жадно, аккуратно помогая себе ножом. Управился с горячей яичницей, закусил салатом, потянулся за кофе. «И пусть весь мир подождет». Казалось, он для Шона просто перестал существовать.

– Не понравилось? – кофейный аромат словно пробудил, заставил среагировать на окружающее. – Странно.

– Я просто задумалась, – спохватилась Ульяна.

Яичница остыла, но была еще вкусной. А тирамису прямо-таки таял на языке! Печенье в меру пропиталось сиропом и творожного вкуса совсем не ощущалось, а это значило, что повар положил настоящий маскарпоне.

Ну а кофе оказался той самой вишенкой на торте: крепкий, ароматный, с расплзающейся по поверхности белой пенкой мороженого. Уля поняла Шона: отвлекаться от еды не хотелось.

А он терпеливо ждал, подперев рукой щеку. На губах замерла легкая улыбка, словно мужчина наслаждался зрелищем. Уля смутилась и потянулась за салфеткой:

– Спасибо! Это действительно вкусно.

– Я рад, что тебе понравилось. А теперь – дела. Нужно оформить документы и закупить кое-что из снаряжения, – он кинул взгляд на смартфон. – Нас уже ждут. Поехали!

В офисе царил суматоха. Жужжали принтеры, разрывались телефоны, сновали туда-сюда работники. Шон усадил Ульяну на стул в коридоре и велел не двигаться с места:

– Можешь понадобиться в любой момент! – и скрылся за дверью под номером семьдесят девять.

Уля сжалась. Казалось, она попала в какой-то другой мир. После спокойствия раскопа, методичной работы по сортировке здесь все было очень быстрое и очень шумное. Уйдя в себя, она не заметила, как Шон приоткрыл дверь. Спихнулась, только когда он дотронулся до плеча:

– Заснула? Заходи!

Девушка за столом потребовала паспорт, пенсионное и номер ИНН, после чего постучала по клавишам компьютера, распечатала какие-то бумаги и велела подписать. Ошарашенная Уля послушалась без возражений. И даже не прочитала, что заверяет.

– Паспорт будет готов вечером.

Уже? Ульяна вертела головой, глядя то на девушку, то на Шона. А тот просто протянул визитку:

– Пусть позвонят, я скажу, куда подвезти.

Вот это сервис! Уля понимала, что выглядит глупо, но поделаться ничего не могла. Только и смогла пискнуть:

– А виза?

– Виза будет. В Монголию и Китай, рабочие, по специальному приглашению. И Шенгенская, на пять лет, тоже с правом трудоустройства.

– Ну, ты чего? – Шон позволил себе рассмеяться только в машине. – Выглядишь как...

– Дурочка?

– Как будто тебя пыльным мешком огрели да так и оставили.

– И все-таки я не пойму. Загранпаспорт с визами меньше чем за сутки!

– Ульяна, – Шон оставил веселость. – Я просто воспользовался служебным положением. Меня знают во всех странах мира, получить помощь с оформлением совсем несложно. А уж если деньги подключить...

– Очень много денег... Шон, признайся, ты скрытый миллиардер?

В общем, Интернет дал ответ на это вопрос уже давным-давно. В список Форбс всемирно известный археолог не входил, но состояние имел: консультации знатока редкостей стоили немало.

– А я тут при чем? Все оплачивает заказчик!

– Какой?

Она сама себе удивлялась: насторожилась и заволновалась только теперь, когда поняла, что в игру вступила еще одна сила. До этого её доверие к Шону было на уровне безграничного. И это тоже настораживало.

Ульяна не могла понять, почему идет на поводу совершенно незнакомого человека. И почему рядом с ним так спокойно и хорошо, словно они знают друг друга очень давно и полностью доверяют. Она доверяет. Что думает Шон, Ульяна не знала.

Это все пугало. Появилось желание убежать. Забыть о чаше, об археологии и просто улизнуть. Купить билет на самолет или на поезд, на поезд даже лучше: расписание удобнее, и укатить подальше, превратить все в сон.

Но в то же время Ульяна понимала: сделай так, и она в жизни себе не простит. Любопытство будет приходить сначала вечерами, когда все дела сделаны и ничего не отвлекает от воспоминаний. Потом станет хуже. Она будет шерстить Всемирную паутину в надежде наткнуться хоть на крохотное упоминание о Чаше, о великой находке в пустыне, о... И не найдет. Потому что не все в интернет вываливают. Есть вещи, к которым надо прикасаться в реальности.

И она осталась.

Все это время Шон молчал, искоса поглядывая на притихшую на соседнем сиденье Улю. А потом предложил:

– Кофе хочешь?

– Хочу!

После суеты офиса и мучительных раздумий допинг был просто необходим.

– Как насчет прогуляться? Погода отличная, самое то!

Новый Арбат шумел, но суета как будто не смела потревожить этот островок спокойствия. Люди неспешно гуляли по выложенной серой плиткой улице, сидели на футуристических скамейках, разговаривали, разглядывали витрины или фотографировались на качелях. Только снующие взад-вперед дети нарушали благостную картинку безмятежности.

– Сюда! – Шон указал на расположенный в закутке вход.

– Holy Berry, – прочитала Ульяна на стекле, за которым виднелись букеты и авторские куклы. Чуть выше черная вывеска в рамке гласила, что тут можно приобрести букеты и подарки.

– Это точно кофейня? – засомневалась, но Шон ткнул пальцем в красный флажок с надписью «Магазин свежего кофе» и втащил в гостеприимно распахнутые двери.

Внутри – ни столиков, ни стульев. Лишь алые подушки на темном дереве низкого подоконника. И – теснота. В пространстве между дверью и прилавком могли уместиться разве что три – четыре человека.

Но, несмотря на тесноту, здесь было уютно. Вкусно пахло кофе и шоколадом, на полках выстроились пакеты с разноцветными этикетками, тихо гудела кофемашина. Ульяна почувствовала, как разжимается внутри скрученная пружина. На смену тревоге пришло спокойствие.

– Держи! – Шон протянул большой картонный стакан с фирменным знаком. – Не скажу, что лучший в мире, но вкусно. Настолько, что я предпочитаю сделать крюк, чтобы купить его здесь.

После спокойствия кофейни улица встретила шумом и ярким светом. Шон подвел Улю к скамейке. Её спинка выростала из сиденья, вздымалась желтой волной и через несколько метров снова исчезала.

– Красиво тут, – вздохнула Уля и сделала первый глоток.

Кофе действительно оказался вкусным.

Разговаривать не хотелось, но на языке крутился один-единственный вопрос:

– Шон... Во что ты меня втянул?

Уля так и не нашла ответ на этот вопрос. Как и на другой: почему она сама позволила это сделать?

Полулежа в мягком кресле бизнес-класса, Уля смотрела в окно. Синевя сверху и кипящие облака снизу.

Пустота поднебесья не мешала думать, а мягкая музыка из наушников успокаивала растрепанные нервы.

Волноваться было с чего.

Практически сразу после прогулки по новому Арбату Шон заявил, что теперь надо купить кое-что из экипировки и одежду – Улина не подходила:

– Пустыня – не для прогулок. Она требует уважения, как стихия. Иссущающая жара днем сменяется ночным холодом. Конечно, местные жители обходятся тем, что есть. Но мы должны как следует подготовиться!

Но почему-то «подготовка» заключалась в покупке новой одежды для Ули. Шорты, штаны, футболки, куртка. Все – наивысшего качества. И спорить было бесполезно. Ответ был один: это входит в смету. Казалось, Шон получал удовольствие, одевая Ульяну. И выбирал он не только удобное, но и красивое.

– Что поделать, я – эстет!

Ульяне оставалось лишь соглашаться, подсчитывая, сможет ли она вернуть деньги после экспедиции. Условия её участия оставались тайной за семью печатями. До самого вечера, когда Шон вошел в её номер с пластиковой папкой в руках:

– Здесь контракт. Ознакомься, пожалуйста.

Стандартное предложение. Ничего странного, никаких дополнений мелким шрифтом – обычный контракт. Уля таких много на своем веку видела. Смутили только два пункта: не мешать работать охране и в критической ситуации выполнять все их требования, и оплата. Трижды проверив сумму, Ульяна уточнила:

– Тут, кажется, в нолях ошиблись.

– Где? – лицо Шона оказалось совсем рядом. От него пахло дезодорантом и пеной для бритья. Очень тонкий, будоражащий аромат.

– Никакой ошибки. Цифры написаны абсолютно правильно.

Уля вздрогнула – на долю секунды из головы вылетело все, о чем думала до этого. Даже вопрос забыла. Стало тревожно: этот мужчина странно на неё действовал. Заставлял потерять голову. Хотелось быть рядом, слышать, видеть, прикоснуться...

Наверное, стоило послать его подальше и вернуться в Тольятти. Но рука сама потянулась к бумаге, и контракт украсила аккуратная закорючка. Шон тут же подал второй экземпляр:

– Пусть у тебя останется, как положено.

Глядя на бумаги, Уля не знала, что делать: сложить и запихнуть в карман рюкзака? Или пойти в банк и сдать на хранение, как ценную бумагу?

Раздумья прервал телефонный звонок.

Стилизованный «под старину», инкрустированный золотистым металлом аппарат чуть подрагивал. Шон одним шагом преодолел расстояние от кресла до консоли и уверенно поднял трубку.

– Да. Ждем. Проводите в номер, пожалуйста!

Следующие полчаса пролетели как в угаре. Ей привезли паспорт, заставили подписать еще несколько необходимых документов и попрощались.

– Ну, вот и все, – подвел итог Шон. – Самолет завтра.

Наверное, надо было отказаться. Наплевать на только что подписанный контракт и – отказаться. Но Ульяна не нашла в себе сил. И, хотя её начинало пугать странное обаяние Шона, она ни за что не хотела пропустить самое значимое приключение: Леша верно сказал, такое раз в жизни выпадает, да и то не всем.

Только вот теперь, в самолете, Уле казалось, что она совершила ошибку.

– Уля!

Вздрогнув от неожиданного прикосновения, увидела стоящую рядом с креслами стюардессу. Пришло время обеда.

– Предпочитаете рыбу или мясо?

– Рыбу, пожалуйста.

– Тяжело тебе будет в Монголии, – посетовал Шон. – Там рыбы практически нет.
– Переживу!

Уля с удивлением разглядывала поднос, который ей вручила стюардесса. Ломтик семги с капелькой сливочного масла в виде розочки; кусочек селедки и крохотная тарталетка с несколькими крупинками красной икры. На другой тарелке лежала запеченная семга с картофельным пюре. На десерт – маленькое круглое пирожное и пиала с двумя шариками мороженого.

– Чай? Кофе?

– Кофе.

– А мне, пожалуйста, бокал красного вина.

Перед Шоном стояла тарелка с рисом и густым гуляшом и блюдечко с колбасной нарезкой. На краю приютилась креманка с соусом.

– Как в ресторане, – удивилась Уля.

– Уль, ты что? А завтрак как же? Ничего не помнишь? – нахмурился Шон.

Она задумалась. Действительно, что-то ела. Часа через два после взлета, но была так погружена в свои мысли, что не заметила, как проглотила предложенное.

– Ну ты даешь! – видно было, что Шону хочется смеяться в голос, но он сдерживается. – Так волнуешь?

Уля кивнула. Пусть думает так, меньше вопросов будет.

Еда показалась почти безвкусной.

– Говорил же – бери мясо! – сокрушался Шон. – Слышал, на высоте вкус притупляется, все кажется пресным и пластиковым. Ничего, прилетим, накормлю тебя как следует!

Ульяна кивала. Монолог Шона почти заглушался музыкой и не мешал думать. Не прошло и получаса, как начало клонить в сон. Разложив кресло, девушка заснула.

Снились ей облака, которые вдруг оказались гривами белоснежных коней, летящих по бескрайней синеве, а кнут табунщика щелкал, и над землей рокотал гром.

– Уля! Ульяна, просыпайся!

Она нехотя выпуталась из пледа. Шон, перегнувшись через неё, жадно вглядывался в иллюминатор.

А внизу простиралась степь.

На невнятном серо-коричневом фоне голой земли хаотично завихрялись полосы чуть припыленной зелени. Они то пролегали ровными рядами, то закручивались в спирали, то извивались, как след диковинной змеи. А прямо на них поблескивали тончайшие ниточки воды.

– Потрясающе! – охнула Ульяна.

Воображение тут же нарисовало орду всадников, летящих по этим просторам. Уля как наяву видела вздымающуюся пыль, слышала гортанные выкрики, чувала запах конского пота и дыма. И, словно подыгрывая ей, внизу стали появляться белые таблетки юрт. Сначала редкие, раскиданные прямо по степи, после – огороженные высокими заборами. Ровные участки напоминали обычные дачи, кое-где даже виднелись двускатные крыши типовых домов. И это соседство выглядело... экзотично.

– Нравится? Насмотришься еще, на раскопе их вместо палаток используют.

Уля вспомнила все, что читала о жизни в юрте, и поежилась:

– А в палатке никак?

Шон только хмыкнул. А появившаяся стюардесса попросила пассажиров пристегнуться – самолет пошел на снижение.

Уля выглянула в окно и тут же зажмурилась: казалось, они садятся на узенькую полоску, прорезавшую неровную степь. Чуть влево или вправо – и костей не соберем. К счастью, все обошлось. Но справиться с пряжкой ремня не могла – дрожали руки.

– Почему не сказала, что боишься летать? – ругнулся Шон, помогая отстегнуться. – И хватит дрожать, мы уже на месте.

Спорить Ульяна не стала, тем более что народ потянулся к выходу. Глубоко вздохнув, она последовала за толпой.

Несмотря на садящееся солнце, жара окутала обжигающим покрывалом. В воздухе стоял запах пыли, раскаленного металла и чего-то химического. Стараясь не упасть, Ульяна спустилась по трапу.

– Сюда! – подхватил под руку Шон и отвел в сторону от направившихся к аэропорту людей. Прямо на взлетно-посадочной полосе стоял джип.

Гостиница, в которую привезли Ульяну, роскошью не блистала: ламинат, плитка, стандартная корпусная мебель. Зато размеры комнат поражали – в одноместном номере могло с комфортом поселиться человек пять-шесть, при этом не слишком стесняя друг друга.

– Wi-Fi, телевизор – работают. Если что-то надо, звони на ресепшн, – указал Шон на аккуратную трубку возле кровати. – Но я все же рекомендую как следует отдохнуть – выезжаем на рассвете.

Ульяна не стала спорить. Сходила в душ, попросила в номер обед – принесли шурпу, которая с непривычки показалась очень жирной, и рис карри с кусочками баранины – острый до невозможности. Спас салат из свежих овощей и манговый сок. Взяв стакан, Уля перебралась на кровать – сказывалась разница в часовых поясах, хотелось спать. Но прежде следовало узнать, что творится в мире.

Шон не обманул – Wi-Fi просто летал. Ульяна тут же нырнула в соцсети, сообщая друзьям, что добралась до Улан-Батора, а потом пробежалась по форумам. Они еще бурлили от известия о пропавшей Чаши, но споры и предположения постепенно пошли на убыль: минует еще пару дней, и о «находке тысячелетия» забудут, если только она не всплывет в каком-либо музее или частной коллекции.

Поискав еще, Уля вспомнила, что хотела побольше узнать о гробнице, для работы в которой её наняли. Но в сети стояла тишина – никто даже не слышал о находке в сердце пустыни Гоби. Списав это на нежелание трубить о раскопках раньше времени, Ульяна закрыла ноутбук и блаженно вытянулась на кровати: кондиционер работал исправно, позволяя насладиться прохладой. После тех нескольких минут на улице Ульяна почти пожалела, что согласилась на поездку. Оставалась надежда на то, что интерес окажется сильнее физического дискомфорта, и она забудет и о жаре, и о пыли. Впрочем, так всегда и происходило.

В тишине, нарушаемой лишь гудением кондиционера, послышался шорох, словно мышь скреблась. Ульяну подбросило на кровати: если в полях она спокойно воспринимала соседство грызунов, то в домах... Стараясь не завизжать, она зашарила взглядом по комнате в поисках чего-нибудь тяжелого. Единственное, что подходило на роль оружия – отполированный до блеска медный кувшин на столе. Но до него еще надо было добраться.

После некоторого колебания Ульяна смогла опустить ноги на пол и вздрогнула, когда они коснулись чего-то мехового. Потребовалось пара секунд, чтобы вспомнить о коврик у кровати. На цыпочках, прислушиваясь к каждому шороху, она пробиралась к столу. Желанный кувшин был все ближе, Ульяна уже протянула руку, чтобы схватить его за тонкое горлышко, и в этот момент в блестящем пузатом боку отразилась тень.

Крик погас, не родившись – ладонь зажала рот, позволяя только мычать, а попытки достать нападавшего рукой или ногой закончились провалом. Правда, Уле удалось столкнуть на пол злополучный кувшин, и он весело загремел по гулкому ламинату. Почти сразу же в коридоре послышались голоса и стук в дверь. И шею тут же пронзила боль. Последнее, что увидела Уля – белый потолок, яркая хрустальная люстра и силуэт мужчины на фоне окна.

Пришла в себя на кровати. Тело онемело, но при попытке поменять позу кто-то схватил за плечи, не позволяя сдвинуться ни на сантиметр.

– Не двигайся, – слышался голос Шона.

Скосив глаза, Уля увидела его самого: мужчина что-то внимательно разглядывал.

– Не шевелись, сказал!

– Почему?

Губы онемели, спросить с первого раза не получилось, пришлось повторить попытку.

– Потому что ты сейчас утыкана иглами, как дикобраз.

С этими словами Шон наклонился над Улей, и она едва сдержалась от крика, так болезненно оказалась процедура. И долго не могла отдышаться, даже после того, как последняя игла зазвенела, ударившись о дно круглого металлического тазика.

– Теперь можно, – Шон помог сесть, подложив под спину подушки. – Ты видела нападавшего?

– Только силуэт, – в памяти всплыла картина происшествия.

Стало плохо, но у губ тут же оказался стакан с водой. Дождавшись, когда Уля сделает несколько глотков, Шон пояснил:

– Этот гад владеет акупунктурой. Он воздействовал на определенную точку, – палец коснулся шеи, – вот здесь. Если вовремя не оказать помощь, человека парализует навсегда.

По спине пробежал холодок. Ульяна не могла представить себя прикованной к постели. Впервые за несколько дней стало по-настоящему страшно.

– К счастью, ты сумела поднять шум. И к счастью, я тоже умею пользоваться иглами.

– Кто это был?

Шон пожал плечами. А Ульяна откинула покрывало и начала судорожно метаться по номеру, собирая в кучу раскиданные вещи.

– Успокойся! Тебе лежать надо! Я перенес отправление на два дня, чтобы ты могла...

– Никуда я не еду! – возмутилась Ульяна. – Ясно же, что это нападение связано с раскопками! Когда ближайший самолет до Москвы?

– Подожди!

Шон схватил её за руки, прекратив бестолковые метания. Уля замерла и покачнулась оттого, что голова сразу закружилась, а колени задрожали. Но она отнесла это к остаточным явлениям после внезапного нападения.

– Подожди, – Шон усадил её в кресло. – Позволь напомнить, что ты подписала контракт и пока что себе не принадлежишь.

– Я его разрываю!

– Готова уплатить неустойку сейчас же?

Уля похолодела. Этот пункт она пропустила, потому что была уверена, что ни за что не проморгает шанса покопаться в гробнице. Все её существо требовало экспедиции, и ни о чем другом в тот момент она думать не могла.

– Большая? – спросила робко.

Шон кивнул, но сдаваться так просто Ульяна не собиралась:

– А что в контракте говорится о попытках убийства?

Но Шон оставался непреклонен. Уля уговаривала и так, и эдак, но неустойка на самом деле оказалась огромной.

– И все-таки не пойму, зачем тебе в гробнице срубник, – сдалась, но не покорилась.

– Кто знает, – добившись своего, Шон снова стал милым и предупредительным. – Отдыхай пока, через два дня вылет. И прости, но теперь тебя будут охранять, – он кивнул ввалившегося в комнату амбала. – Не обращай на него внимания, считай, здесь никого нет.

За два дня Уля почти привыкла к своему молчаливому спутнику, но когда наступило время отъезда, вздохнула с облегчением.

Джипы вывезли группу за город. Прямо в степи, на серо-коричневой, завивающейся пыльными бурунчиками земле, ждал армейский вертолет.

Поднятый лопастями ветер сбивал с ног, бросал в глаза все, что смог поднять, так что пришлось спрятать лицо в сгибе локтя.

– Держись за меня! – проорал Шон. Его голос легко перекрыл шум, а сильная ладонь обхватила за талию. – Все уже в сборе, ждут только нас.

Внутри успевшего нагреться вертолета было тесно. В центре, укрыты брезентом и закрепленные специальными ремнями, лежали рюкзаки и какие-то мешки. Оборудование поценнее размещалось на особых стеллажах у бортов.

Шон толкнул Улю к сиденью:

– Пристегнись!

И сам помог справиться с ремнями, которые обхватили крест-накрест грудь. А потом дал знак летчикам.

Вертолет затрясло. Уля сглотнула – не очень приятно осознавать, что под ногами – пустота, а от вечности отделяет всего лишь усилия лопастей. Тряска не давала забыть об этом ни на минуту.

Постепенно тошнота прошла и, вывернув шею под немислимым углом, Ульяна умудрилась посмотреть в иллюминатор.

Та же степь, покрытая причудливыми, похожими на морозный узор завитками. Кое-где её прорезали тонкие линии асфальтовых дорог, а над редкими реками поднимались мосты. Смешно прыгали вспугнутые вертолетом газели, бегали вокруг беспорядочно раскиданных юрт большие собаки, табуны лошадей пересекались с отарами овец.

Когда мышцы затекли, поменяла позу и, наконец, рассмотрела тех, с кем ей предстояло делить дни, ночи, а также взлеты и падения.

Два военных. Одинаковые, как капли воды. Судя по форме – китайцы, но Уля плохо в этом разбиралась. Её подозрения подтвердил Шон:

– Китай потребовал контроля над раскопками – все же их наследие. Эти двое будут наблюдать за порядком и служить дополнительной охраной. Ян и Юй. Они братья.

Оба склонили головы одинаковыми движениями и потеряли к Ульяне интерес.

В отличие от помощника Шона. Мужчина в возрасте глаз с неё не сводил, отчего становилось неуютно.

– Эвей, хватит пялиться, не смущай человека, – хохотнул Шон и пояснил: – Он не опасен. Как у вас говорят? Бодливой корове Бог рогов не дал?

Уля вежливо кивнула, так и не поняв, к какой нации тот относился. Не азиат и не европеец. Скорее всего – метис.

Зато четвертый спутник показался смутно знакомым. Уля просияла, когда тот представился:

– Джастин Одли!

Знаменитый археолог, разбирающийся, наверное, во всех видах керамики: от грубейшей срубной, до тончайшего фарфора! Автор сотен статей и нескольких книг, которые Ульяна зачитала до дыр. К сожалению, поговорить им не удалось, сказало незнание языков. А Шон переводить отказался – откинулся на спинку жесткого кресла и сделал вид, что заснул.

Но часа через полтора вдруг очнулся и, выглянув в иллюминатор, указал вниз:

– Поющие Пески Времени!

На земле невидимый художник разлил желтую краску и щедро перемешал оттенки. Полукружья барханов обнимали чахлую зелень, которая напоминала скорее точки, чем растительность.

– Почему их так назвали?

– Если прислушаться, то на рассвете можно услышать, как бьют барабаны и над пустыней разносится странное пение. Но мы этого не услышим – сейчас нет времени на такие остановки.

И, видя огорчение Ули, поспешил утешить:

– Гоби скрывает много тайн. Кто знает, что мы отыщем... Уверен, пустыня покажет что-то чудесное.

Ульяне оставалось только согласиться: экспедицией руководила не она.

Желтые пески превратились в каменистую равнину, нарядные белые юрты сменились бурями, под цвет местности. Кое-где виднелись капитальные постройки – то ли из кирпича, то ли из каких-то блоков... Позже, когда вертолет опустился недалеко от таких домов, оказалось – саман.

Их встречали.

Хорошо одетый мужчина в цветном халате, подпоясанном желтым шарфом и почему-то в шляпе; пара людей, очень похожих на Эвея, только помоложе и военные. Эти кинулись разгружать вертолет, остальные, перебросившись несколькими фразами с Шоном, повели гостей вглубь селенья.

Большие собаки лежали в стороне, лениво поглядывая на людей, а мелкие прыгали, заходясь лаем поодаль. Чумазые дети с интересом глазели на приезжих, но не приближались. В загоне орали верблюды, блеяли овцы, и в первый момент Ульяне показалось, что она потеряла обоняние.

Гостей привели в большой саманный дом, оказавшийся чем-то вроде смеси кафе и местного клуба.

В одной части располагалась кухня: саманно-каменная дровяная плита и обычная буржуйка, на которой стоял закопченный чайник с высоким носиком. Из него уже вырывался белый пар. Во вмурованном в печь котле тоже что-то кипело. Жар от огня распространялся по всему помещению, и там стояла влажная духота, как в бане.

Но нескольким местным мужчинам это не доставляло никаких неудобств. Они сидели у самодельных столиков, сделанных из огромных железных боек, на которые наварили круглые и квадратные куски металла. Неподъемные и страшные, они хорошо вписывались в интерьер, рассмотрев который Уля всхлипнула и пообещала себе ничего в этом месте не есть.

– Опасаешься? – заметил её взгляд Шон. – А что, на ваших раскопах было стерильно?

Вспомнив, в каких условиях зачастую варили кашу или суп, Уля снова содрогнулась.

– Там, по крайней мере, еда была знакомой!

– Здесь тоже ничего необычного. Разве что молочный чай. Он на любителя.

Рассаживались странно, соблюдая какой-то непонятный Ульяне порядок. Её саму попытались отеснить в сторонку, но Шон успел вовремя – подвинул на лавке особо рьяного кочевника и усадил Улю рядом с собой.

– Не зевай! Здесь патриархат, хоть ты и гостья. Так что держись поближе.

Уля снова кивнула, глядя, как стол исчезает под блюдами, тарелками, мисками и чашечками. И каждому из гостей вручили пиалу, из рук в руки.

То, что было внутри, Шон назвал чаем. Но плавающие на поверхности кружочки жира и крупа заставили сомневаться.

– Говорил же – на любителя. Но выпить придется!

Это было нелегко. Все же молоко с жиром для Ули оказалось... слишком. И она порадовалась, что никто не протянул добавку.

А на стол тем временем поставили блюдо с бараньей головой и Шоноу подали нож. В помещении воцарилась тишина.

Ульяна насторожилась: похоже, это что-то из местных обычаев.

Шон на миг потерял всю уверенность. Переглянулся с Эвеем, перевел взгляд на Улю и решительно сделал надрез, что-то бормоча.

Присутствующие внимательно следили за движениями ножа, и каждый отрезанный кусок встречали одобрительные шепотки. Шон раздавал мясо окружающим, строго по старшинству, и Уля несколько раз поймала его виноватый взгляд – словно оправдывался за что-то. А потом нахмурился и резко приказал по-монгольски.

Через несколько минут перед Улей появился большой кусок мяса.

– Это почетное «женское» угощение, – тут же шепнул Шон. – Прости, голова только для мужчин.

Для мужчин, так для мужчин – в чужой монастырь со своим уставом не ходят. И Ульяна спокойно жевала то, что ей разрешалось. Оказалось, кроме бараньей головы можно все. Вот только молочную водку Шон отсоветовал – крепкая. Вместо неё подали кумыс.

Но даже он ударил в голову. И, спросив у Шона можно ли, Уля вышла на улицу – проветриться.

После духоты саманного помещения даже горячий ветер пустыни показался прохладным. Подставив ему лицо, Ульяна забрела за пределы поселка и онемела от открывшейся картины.

Широкая река наплатила пустынную землю, покрыв её изумрудным ковром. Он простирался до самого горизонта, и только где-то вдалеке виднелась бурая полоса. Неподалеку бродили отары и паслись лошади, а в по-настоящему бездонном небе парили орлы.

То один, то другой срывался вниз и исчезал в траве, закогтив добычу. Ульяна залюбовалась красотой стремительных движений и не сразу поняла, что тот резкий окрик относится к ней. А через мгновение её сбила с ног непонятная сила.

Песок набился в рот, залепил глаза. Сверху навалилось что-то тяжелое и живое, а еще чувствовались толчки. И слышались крики.

Наконец, Улю вздернули на ноги, и она смогла немного прочистить глаза. Картинка не порадовала.

Рядом с ней стоял один из экспедиции, тот, чью национальность она так и не смогла угадать. Рубашка свисала с его плеч лоскутами, которые быстро пропитывались кровью. Его приятель не обращал на это внимания – его взгляд был прикован к небу, а в руке покачивалась ременная петля.

К ним уже бежали люди. Шон подлетел первым. Нескольких слов хватило, чтобы прояснить ситуацию:

– Беркут напал. Басан, – окликнул раненого, – быстро в юрту! Оюн, ты его подбил?

Пращик выпрямился и покачал головой. А Уля только сейчас заметила цвет его глаз – янтарные, практически желтые. Такие могут быть у кошки, но никак у человека.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.